ВОСПОМИНАНІЯ ВЕТЕРАНА 1813—1814 ГОДОВЪ *).

Памятенъ мнѣ прежде всего уѣздный городъ Инсаръ (Пенз. губ.): въ немъ жилъ мой отецъ, бывшій помѣщикомъ одной деревни въ здѣшнемъ уѣздѣ и владѣльцемъ сѣнныхъ полянъ на рѣкѣ Иссѣ. Домъ нашъ находился противу церкви Рождества Христова. Онъ былъ деревянный, дубоваго толстаго лѣса, вершковъ 12 и 14 въ отрубѣ, старинной архитектуры, съ крышею изъ кленоваго гонта. Стѣны не были обшиты снаружи тесомъ, какъ это дѣлается нынѣ, по той простой причинѣ, что въ то время (въ 1760—70-хъ годахъ) какъ строился домъ, пиленый тесъ едва былъ извѣстенъ и пилъ двуручныхъ было не много, а о пильныхъ машинахъ и слыхомъ не слыхать было, если же употреблялся на какіе подѣлки тесъ, то колотый и оттесаный топоромъ и рѣдко строганый настругомъ (такимъ тесомъ была обита означенная церковь Рождества), причемъ тесницы ставили стоймя, съ узорными вырѣзками на концахъ, закрывавшими сверху тесницу, что дѣлало видъ карниза. Колотый тесъ былъ въ употребленіи отъ обилія лѣса: дремучія непроходимыя рощи представляли неистощимый запасъ для рѣдкаго еще народонаселенія, которое и пользовалось имъ безъ разбору; такъ, напримѣръ, вмѣсто

*) Воспоминанія эти писаны мною для моихъ дѣтей, которыя желали имѣть на письмѣ то, что я имъ разсказывалъ о моей прошлой жизни. *Ветеранъ 1813—1814 год.*

нынѣшнихъ плетней изъ хвороста, селенія огораживались тыномъ, то есть 8 и 9 вершковый лѣсъ кололи пополамъ въ три аршина длины, а нижній конецъ затесывали въ видѣ кола и такимъ образомъ на городьбѣ ставили одну половинку къ другой такъ плотно, чтобы не могъ пролѣзть и цыпленокъ: сверху же стойки раскалывали и запускали въ нихъ тонкія жерди, чтобы нельзя было вынимать ихъ и раскачивать.

Нашъ домъ состоялъ изъ сѣней величиной аршинъ четырнадцати въ квадратѣ, раздѣленныхъ пополамъ на входъ лакейскій и дѣвичій; въ нихъ были сдѣланы и небольшія кладовыя. Другой уголъ дома, съ подъѣзднаго параднаго крыльца, былъ раздѣленъ на двѣ комнаты—лакейскую и кабинетъ; изъ обѣихъ этихъ комнатъ былъ входъ въ залу, имѣвшую пять оконъ по фасаду; за ней гостинная въ четыре окна; въ противоположной же части дома, за коридорромъ, распредѣлялись внутреннія комнаты, съ поперечнымъ темнымъ же выходомъ въ комнату няни моей и мою, такъ что я всегда трусливо ходилъ въ этой темнотѣ. Расположеніе внутренности дома врѣзалось въ моей дѣтской памяти столь явственно, что я могу и теперь еще составить его планъ, хотя мнѣ было только три года, когда меня вывезли отсюда и послѣ того я уже болѣе его не видалъ.

Отецъ мой жилъ въ этомъ домѣ довольно долго, состоя на службѣ въ г. Инсарѣ городничимъ, товарищемъ воеводы и предводителемъ дворянства. Здѣсь же родился и я, и отъ трехлѣтняго возраста сохранилъ въ воспоминаніи всѣ предметы, живые и неодушевленные, бывшіе на моихъ глазахъ: помню въ кіотѣ за образами вербу съ вишенками, которой мнѣ не давали играть; помню палисадникъ передъ домомъ, выходившій на улицу: онъ былъ засаженъ малиной,

смородиной и черемховыми кустами, въ которыхъ я беззаботно наслаждался плодами зрѣлыми и незрѣлыми; помню друзей и пріятелей моего батюшки — крестнаго моего отца Максима Петровича Литвинова, мужественной наружности, съ кривымъ глазомъ, Александра Ивановича Еникѣева, огромнаго мужчину съ татарской физіономіей, гладко остриженнаго подъ гребенку и съ чрезвычайно выпуклыми глазами; помню городничаго В. Я. Фонкерпена и его соловенькихъ лошадокъ, на которыхъ онъ часто меня катал, ухаживая за всѣмъ нашимъ семействомъ, въ надеждѣ получить руку племянницы моего батюшки, въ чемъ однако ему было отказано; помню наши городскіе сани изъ бѣлой жести, съ боками, вытѣсненными узорами, раскрашенныя зеленой и красной краской; помню нашу вороную лошадь, извѣстную подъ именемъ саратовской, чрезвычайно шибкой рыси, и какъ бывало няня, катаясь со мной, говаривала кучеру: «что ты, Іуда Иванычь, такъ закатываешь: вѣдь у меня съ барченкомъ ажно духъ захватываетъ на морозѣ»; помню Анну Ѳедоровну Макарову, небогатую дворянку старушку, которая ежедневно бывала у матушки гостьей и всегда веселая, въ особенности, когда по вечерамъ въ гостинной собиралась семья наша и немногіе посторонніе: въ этихъ бесѣдахъ только и слышенъ былъ голосъ Анны Ѳедоровны и всѣ смѣялись отъ души, такъ какъ эта старушка, при большомъ умѣ, обладала чрезвычайной остротой и юморомъ; ее всегда отвозили домой на нашей лошади и всегда поздно ночью, что крайне не нравилось людямъ и кучерамъ, избалованнымъ въ добромъ дворянскомъ домѣ: такъ, когда однажды зимой повезли Анну Ѳедоровну въ розвальняхъ на одной лошади, кучеръ, можетъ быть въ расхмѣль, а можетъ и съ похмѣлья, въ ухабѣ буд-

то нечаянно упалъ съ козелъ, выронилъ изъ рукъ возжи—лошадь поскакала, и бѣдная Анна Ѳедоровна намаялась отъ испугу, однако жъ цѣла и невредима добралась до своего дома, послѣ того просила однако Савелья Матвѣевича кучеромъ съ ней не посылать.

Инсарскій уѣздъ былъ уже и тогда наполненъ жившими здѣсь значительными дворянскими фамиліями, изъ числа коихъ Араповъ, Улыбышевы, Мошковы, Хрущевы, Бахметьевы, Вельяшевы были пріятными посѣтителями батюшки, самъ же онъ никуда не выѣзжалъ, лишившись вовсе зрѣнія. Въ этомъ несчастномъ положеніи онъ находился лѣтъ пятнадцать. Но каждое воскресенье изъ его пріятелей непремѣнно кто-нибудь пріѣзжалъ къ обѣду; въ иной праздникъ даже очень много собиралось гостей: какъ сказывали, обѣдывало до ста человѣкъ. У батюшки была своя музыка, которую я очень помню; изъ иструментовъ особенно занималъ меня віолончель: я не пропускалъ случая пощелкать толстыми его струнами, когда позволялъ музыкантъ. По зимамъ нерѣдко были балы, на которые собиралось человѣкъ полтораста гостей; тутъ всегда отличался одинъ небогатый помѣщикъ А, маленькой ростомъ, съ рыжими искрасна волосами, щедушный, но удалой и выдѣлывавшій на славу казачка.

Среди тихой патріархальной уѣздной жизни я замѣтилъ въ одинъ день необыкновенную суету въ домѣ; лакеи сновали впередъ и назадъ, дѣвушки тоже, кто запиралъ ларцы и скрынки, кто связывалъ узлы съ какимъ то мягкимъ буторомъ. Все это для меня было необыкновенно; спрашиваю няню, что это все бѣгаютъ? «нишни, милый, отвѣчаетъ она—собираемся въ Москву». Какъ, няня, и меня возьмутъ? „Возьмутъ, родимой, и я съ тобой поѣду". И вотъ насталъ ра-

достный день отъѣзда. Помню, что все наше семейство размѣщалось въ четырехъ кибиткахъ; не знаю, долго ли ѣхали, но ѣхали все на своихъ лошадяхъ — до самой Москвы. Не знаю, въ какой части города стояли мы въ Москвѣ, но помню, что насъ посѣщали Лаговщины и Вѣтровы; помню, что однажды батюшка, имѣвшій большой поташный заводъ и продавъ, вѣроятно, большую партію, получалъ отъ купца деньги золотыми, поставленными кучками; эти золотые были съ крестами, слѣдовательно чекану императрицы Екатерины; помню какъ старикъ-продавецъ клюквы, неся на головѣ лотокъ, распѣвалъ: «ай по ягоду, по клюкву, по красную по крупну; Марья Ивановна, московская барыня, клюковку съ лотка покупала, сахарцомъ посыпала, денежки платила, дружбу любовь водила». Въ то время клюква и калужское тѣсто были народнымъ лакомствомъ и имѣли большой расходъ.

По возвращеніи изъ Москвы не могу сказать долго ли мы пробыли въ Писарѣ, но въ 1801-мъ году всей семьей уже находились въ Сердобскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ выстроенъ новый, весьма большой домъ и складена каменная церковь иждевеніемъ батюшки. И здѣсь мы были посѣщаемы сосѣдями, изъ коихъ Челюскины, Рылеевы, Ножиевы были къ намъ въ близкихъ пріязненныхъ отношеніяхъ; пріѣзжало также много небогатыхъ помѣщиковъ: одинъ изъ нихъ Т. любилъ выпить чарочку, а другой Л. былъ, напротивъ, весьма воздерженъ. Т. въ синей суконной сибиркѣ, съ огромными мѣдными пуговицами, и подпоясанный гарусным кушакомъ пріѣзжалъ на бѣговыхъ дрожкахъ аккуратно каждый четвергъ на базаръ, а отсюда заѣзжалъ къ намъ обѣдать, также и по воскресеньямъ. Послѣ обѣда батюшка, бывало, спрашиваетъ

по секрету на ушко сосѣда: „что Т., покраснѣлъ или нѣтъ?“ то-есть достаточно ли подпилъ за обѣдомъ; если Л. отвѣчалъ „да“, то Т. позволялось отправиться къ Сергѣю Потаповичу, нашему управителю, потолковать о хозяйствѣ (чтобы избавиться отъ его докучливости); а между тѣмъ и Т. отъ этого былъ не въ убыткѣ: у Сергѣя Потапыча въ подвалѣ стояли сороковыя бочки съ вишневкой, клубнишникомъ, яблоновкой, смородиновкой, и вотъ за разговоромъ Сергѣй угоститъ Т. до нельзя. А какъ по тогдашнимъ законамъ дворянамъ дозволялась домашняя выкурка вина, и вмѣсто девяноста ведерной пропорціи, въ дѣйствительности выкуривалось четырежды девяноста, и притомъ можно вообразить и крѣпость вина, когда четверть ржи и другого хлѣба намѣривалась въ девять мѣръ лукошниками, что составляло на нынѣшнюю мѣру, конечно, одинадцать мѣръ, и брали съ такой четверти по четыре ведра, а остальное, называемое погонь, раздавали безъ расчету крестьянамъ,— то такихъ наливокъ Потапычъ давалъ Т-у штофчикъ и на дорогу.

Базаръ въ селѣ—дѣло важное: отовсюду съѣзжается народъ, вмѣстѣ съ товаромъ привозятъ и различныя вѣсти, причемъ съ продажей и покупкой или мѣной являются неизбѣжно попойка, ссора и миръ. На камзолинскомъ базарѣ господствовалъ за то время не исправникъ или засѣдатель, а полковникъ К.; онъ былъ охотникъ попить самъ и подпоить другихъ, кто бы ни попался; наслажденіемъ его было въ особенности перессорить между собою мелкихъ помѣщиковъ; если же кто упирался, не шелъ на ссору, то онъ самъ впадалъ въ азартъ или, бывало, на базарѣ же зоветъ его къ себѣ въ деревню и непремѣнно заставитъ попробовать нагайки своего Тингая (такъ

звался его любимый псарь). Но въ послѣднее время изъ сосѣдей одинъ молодой дворянинъ, выйдя въ отставку изъ военной службы, познакомился съ полковникомъ, и при первыхъ оргіяхъ на базарѣ повелъ на него атаку, въ защиту своихъ крестьянъ, и такъ храбро, что полковникъ отказался отъ дальнѣйшихъ набѣговъ.

Про этого полковника разсказывали много анекдотовъ въ родѣ слѣдующаго. Домъ въ его деревнѣ былъ выстроенъ на горѣ; подъ горою протекала рѣка, а за рѣкой шла проѣзжая дорога. Хозяинъ дома усвоилъ себѣ невинную привычку, состоявшую въ томъ, что когда онъ сидѣлъ на балконѣ, то всякій, проѣзжающій по дорогѣ за рѣкой, обязанъ былъ остановиться, сойти съ экипажа и, снявъ шапку или шляпу, поклониться полковнику; неисполненіе этого извинялось лишь проѣзжающимъ издалека, сосѣдямъ же это даромъ съ рукъ не сходило. Однажды у полковника, по окончаніи жнитва ржи, были собраны крестьяне попировать, попить зелена вина и бражки-пивца моренаго; вино, какъ извѣстно, было домашней сидки на собственной винокурнѣ, а въ пиво для расхмѣлю подливался винный погонь, подслащенный медомъ: пивцо дѣлалось разбористое *съ перушкомъ*, ибо погонь вина былъ несравненно крѣпче нынѣшняго полугара. Это угощеніе производилось передъ балкономъ полковника, на которомъ онъ самъ присутствовалъ, потягивая пуншикъ съ французской водочкой. Попойка была въ разгарѣ и бочки винныя и пивныя потребителями были уже опростаны и стояли на днахъ стойма, какъ доказательство въ успѣхѣ хозяйскаго угощенія и усерднаго старанья потѣшить его по пословицѣ: хозяина почтить—весь день пропить. Въ это время за рѣкой ѣхалъ на телѣгѣ священникъ

изъ недальняго села и, не останавливаясь, проѣхалъ уже господскій домъ. Полковникъ удивился дерзости и своевольству священника, не исполнившаго извѣстнаго правила. Взволнованный этой выходкой, онъ гнѣвно закричалъ: „Тингай!» Надо сказать, что Тингай былъ у него въ должности дворецкаго, кравчаго и главнаго псаря и въ точности исполнялъ всѣ приказанія своего повелителя, хотя бы эти приказанія были и позорны, и безчестны. На возгласъ своего барина безотлучный Тингай, съ подобострастіемъ, отозвался: „чего изволите"? Полковникъ мановеніемъ руки указалъ на вольнодумца-священника, проговоривъ «видишь-его»!—„вижу, сударь, и исполню". Тотчасъ Тингай кидается на коня и съ огромной нагайкой въ рукѣ и двумя удалыми спутниками скачетъ вслѣдъ за священникомъ; тутъ только послѣдній вспомнилъ о законѣ полковника, догадался, что трое вершниковъ скачутъ за нимъ, и не въ его пользу, и не къ добру, ударилъ лошадь, поѣхалъ шибко, но могъ ли уѣхать отъ трехъ быстрыхъ лошадей скакуновъ. Въ мигъ наѣздники остановили его, и Тингай требовалъ, чтобы онъ предсталъ предъ очи его высокоблагородія, г. полковника; священникъ отказывался, не соглашался и, какъ видно по дѣлу, съ настойчивостію. Чтобы побѣдить его упорство, Тингай хватилъ его нагайкой; священникъ въ свою очередь выхватилъ кистень и началъ отмахиваться (кистень состоитъ изъ аршиннаго ремня, привязаннаго къ черену аршинной же длины; къ концу ремня прикрѣпленъ деревянный шаръ, корневой или дубовый, вершка два или три въ діаметрѣ). Все это происходило на виду полковника, удивленнаго и крайне раздраженнаго сопротивленіемъ священника. Но наперсники его превозмогли, взяли подъ уздцы лошадь и привели плѣннаго предъ грозъ-

наго хозяина, который и началъ, обычнымъ порядкомъ, допрашивать мнимаго преступника. Когда же священникъ, вмѣсто повинной, сталъ самъ держать крѣпкую рѣчь, то полковникъ, судья въ своемъ дѣлѣ, указалъ Тингаю на священника и бочку, прибавивъ: „туда его и подъ гору“. Въ одно мгновеніе выколотили дно у бочки, нахлобучили на попа, заколотили опять дно и скатили бочку подъ крутую гору. Продѣлка эта возбудила продолжительный и неистовый хохотъ трехсотенной пьяной компаніи. Пока потѣшались, бочка скатилась въ самую рѣку, хотя и неглубокую въ этомъ мѣстѣ, но къ несчастію священника, угодила открытой втулкой на дно рѣки, и онъ задохся. Когда наступила пора гостямъ расходиться по домамъ, полковникъ приказалъ освободить священника. Приступили къ бочкѣ, отколотили дно, съ крикомъ: „вылѣзай, батька“, но батька молчитъ; наконецъ вынули покойника и принесли къ хозяину къ балкону; приказано: мертвое тѣло затопгать въ тину въ озерѣ, телѣгу сжечь, а лошадь на псарной дворъ въ супъ собакамъ. Такой подвигъ не могъ, однако, остаться тайной: крестьяне перешептывались и переговаривали между собою, такъ что слухъ дошелъ до исправника. Капитанъ-исправникъ пріѣзжаетъ съ судомъ и понятыми, которыхъ оставилъ въ селѣ, а самъ явился къ полковнику, какъ гость. Хозяинъ тотчасъ взялся за угощеніе: принесли пуншъ и пошелъ кутежъ. Но все это не удержало исправника спросить о попѣ: куда онъ поѣхалъ изъ селенія и когда. Тогда полковникъ разразился на исправника ярымъ гнѣвомъ, обѣщался повѣсить его на *провѣсный балкѣ* на первой осинѣ, предложилъ лучше не касаться глупаго, по его мнѣнію, дѣла, вложилъ ему въ карманъ триста рублей ассигнаціями и приказалъ ѣхать отъ себя не

оглядываясь. Сказано и сдѣлано. Вотъ и другой случай, разсказанный мнѣ о томъ же полковникѣ. Въ близкомъ отъ него разстояніи жилъ тоже отставной полковникъ, семейный человѣкъ весьма почтенный и уважаемый всѣми; съ моимъ батюшкой онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ чемъ-то онъ провинился предъ полковникомъ Ж., по мнѣнію этого послѣдняго, и значитъ, по непреложенному суду его, слѣдовало наказать Р. Тотчасъ отдано приказаніе вѣрному Тингаю собрать барщину на коней, и немедленно является до двухсотъ конниковъ, кто съ косой, кто съ вилами, дубиной, кистинемъ. Вся эта ватага отправляется въ набѣгъ подъ главнымъ начальствомъ самого полковника Ж, останавливается и оцѣпляетъ кругомъ небольшую деревеньку въ 50 душъ, принадлежавшую доброму Р. Тутъ посылается къ нему парламентеръ съ предложеніемъ явиться къ Ж. съ повинной; Р, увидѣвъ, что отъ пьянаго и буйнаго ждать добра нечего, кинулся на лошадь верхомъ безъ сѣдла, пролетѣлъ стрѣлой мимо цѣпи и прямо къ моему батюшкѣ съ просьбой объ участіи. Батюшка отправилъ Р. на свой хуторъ верстахъ въ восьми отъ села и послалъ Сергѣя Потапыча къ полковнику Ж. въ его лагерь, просить убѣдительно посѣтить его. Какъ ни былъ азартенъ полковникъ, но уважилъ батюшку и тотчасъ къ нему явился, такъ какъ мѣсто атаки отстояло не болѣе, какъ на пять верстъ. Батюшка успѣлъ кротостью уговорить полковника если не совсѣмъ оставить претензію на Р, то отложить ее до утра, на что онъ и согласился и затѣмъ уѣхалъ домой. Проводя его, батюшка немедленно взялся за Тингая, объявилъ ему, что Р., какъ онъ слышалъ, поѣхалъ въ Саратовъ съ жалобой и что необходимо снять скорѣе крестьянъ съ цѣпи и уничтожить всѣ-

кую огласку и тѣмъ охранить барина отъ худыхъ послѣдствій. Тингай въ точности исполнилъ совѣтъ батюшки и отпустивъ крестьянъ домой, урезонилъ и самого барина, и на третій день полковникъ пріѣхалъ благодарить слѣпого кума (такъ онъ называлъ батюшку, бывъ дѣйствительно воспріемникомъ моего брата) за добрый совѣтъ. Оба эти происшествія относятся ко времени съ 1795 до 1802 года и были уже послѣдними подвигами полковника. Губернаторъ Бѣляковъ положилъ конецъ буйному его произволу; оставались за нимъ только погулянки на базарахъ въ селѣ Камзолѣ и то болѣе его дворовыми людьми, еще не совсѣмъ укрощенными въ продѣлкахъ.

Время дѣтскаго моего возраста текло пріятно, почти на полной свободѣ. Съ трудомъ, бывало, отыщетъ меня няня, когда я послѣ чая съ сдобными булками или кренделями домашняго печенья, какъ стрѣла, улеталъ въ огородъ, гдѣ меня прельщали гороховые стручки, бобы и огурцы, которыми я и пользовался свободно; но на красиѣвшіеся изъ-за стеколъ въ оранжереѣ персики мнѣ приходилось только любоваться, ибо дверь была подъ замкомъ и ключъ хранился у батюшки. Передъ обѣдомъ, когда начиналъ уже появляться голодъ, я отправлялся въ кухню добыть чего-нибудь перекусить, и въ этомъ никогда не было отказу отъ добраго Семена Семеновича, главнаго кухмейстера, да и было чѣмъ угостить или удовлетворить моему желанію: обиліе тогдашней стряпни на кухнѣ было поразительно; я не говорю уже о ежедневномъ семейномъ обѣдѣ: онъ всегда былъ матеріаленъ и сытенъ; но вотъ краткій отчетъ объ обѣдѣ для гостей: онъ состоялъ изъ двухъ горячихъ— щей и супа, консоме тогда не знали,—были супы изъ куръ съ рисомъ, съ клецками, съ макаронами,

вермешилью, потрохами; къ нимъ два пирога; затѣмъ два иногда холодныхъ, большею частью винегретовъ, которые приготовлялись такъ: дѣлалась изъ теста муфта, обмазывалась чухонскимъ масломъ и оклеивалась фигурами разныхъ колеровъ, вырѣзанными изъ бархата, тафты, цвѣтной бумаги; фигуры эти изображали животныхъ—козелковъ, зайцевъ, барановъ, птицъ, цвѣты, плоды; въ такую изукрашенную муфту, поставленную уже на блюдѣ, накладывали винегретъ изъ разныхъ мясъ и рыбъ съ пикулями, которые тогда имѣли свои названія, по различію огородныхъ овощей, изъ которыхъ были приготовлены. За винегретомъ слѣдовали соусы, двухъ, четырехъ, иногда и болѣе сортовъ. На жареное подавалось по два и по три сорта птицъ и баранина, телятина же тогда мало употреблялась: ее считали какъ бы запрещенной уставомъ церкви, кромѣ праздника пасхи; блюды жаренаго ставили попарно въ строгой симметріи. Пирожныя готовились болѣе мучныя, съ миндалемъ, разныхъ фигуръ и видовъ; на блюдахъ являлись цѣлые дома, корзины, деревья, обложенные мелкими штучками печенья. На столъ же для параду и украшенія ставились, такъ называемыя тогда, филейныя доски. Это были рамки изъ посеребреной или позолоченой мѣди около деревянной доски въ поларшина въ квадратѣ, закрытой сверху цвѣтнымъ стекломъ, а вокругъ вставлялися изрѣдка бронзовыя же, вершка въ два вышиною, колонки, на которыхъ съ одной на другую на проволочной цѣпочкѣ привѣшивались фестонами хрустальныя подвѣски разныхъ фигуръ. Такихъ филейныхъ досокъ ставилось, смотря по длинѣ стола, по четыре и болѣе, одна подлѣ другой, и вокругъ нихъ разставлялись уже миски и блюда съ кушаньями, въ строгомъ симметрическомъ по-

рядкѣ, а между блюдъ размѣщались бѣлыя и красныя вина и различныя наливки. Угощеніе начиналось всегда въ неизмѣнномъ порядкѣ съ холодныхъ, а потомъ уже подавались супы, пироги, соусы, жареное и пирожное. Кушанье подносили гостямъ не къ ряду, какъ нынѣ, а по старшинству или почету хозяина къ гостямъ; можно вообразить, какая была толкотня и замѣшательство: нѣкоторыхъ обносили, а нѣкоторымъ и вовсе не подавали; бѣдные малочиновные съ большого пира иногда отправлялись голодные и доѣдали уже дома; при этомъ, по неизбѣжной мѣшкотности прислуги, можно вообразить сколько времени доставалось высѣдить за столомъ. Десертъ за обѣдами не подавался: для него въ гостиной накрывали особенный столъ, на который и ставились разныя сласти. Варенье подавалось на блюдечкахъ съ одной ложкой на каждомъ, такъ что эта ложка была для всѣхъ гостей общей—люди тогда не такъ были брезгливы и разборчиво-осторожны, да можетъ быть и причинъ менѣе было нынѣшняго къ опасеніямъ. Дѣйствительно, я не запомню изъ тогдашнихъ физіономій ни одной, изуродованной цынгой или другой болѣзнью; вообще натура человѣка, даже просвѣщеннаго, тогда не такъ была изнѣжена и разслаблена, какъ нынче; хилыхъ существъ было видно мало, а напротивъ, здоровый румяный цвѣтъ лицъ обоего пола было порукою ихъ здоровья и крѣпости. Но въ общежитіи и тогда уже принята была извѣстная манера вѣжливости. Каждый посѣтитель, входя въ гостинную, былъ обязанъ подойти къ ручкѣ ко всѣмъ дамамъ сколько бы знакомыхъ его тутъ ни было; иная ручка можетъ быть и не очень чисто была вымыта, а иная и черезъ-чуръ некрасива, но это все было ни почемъ; обычай исполнялся безпрекословно, не поцѣловать у

знакомой дамы ручку, значило нанесть ей страшную обиду; не было ничего мудренаго, еслибъ мужъ, сватъ или братъ вступились за мнимо обиженную; но дуэлей тогда было мало на слуху, а всегда приступали къ дѣлу ближе и скорѣе,—за придирки слѣдовала или пощечина или потасовка; большею частью подобные случаи были вспышкой; радушный хозяинъ спѣшилъ примирить поссорившихся гостей. и затѣмъ добрыя наливки окончательно заливали гнѣвы, такъ что, пріѣхавъ домой, сами ссорившіеся уже не помнили о происшедшемъ, развѣ кто изъ посторонихъ припомнилъ имъ насмѣшку, что вотъ де что между вами случилось.

Въ 1803 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, начали поговаривать у насъ въ домѣ о путешествіи въ Ломовъ на богомолье и ярмонку. Сборы и приготовленія продолжались довольно долго, да и нельзя было иначе по тогдашнему времени и обычаю; надо было для семьи и прислуги заготовить для пути всѣ потребности, если же бы что забыли взять съ собой изъ дома, то на дорогѣ уже добыть было нельзя, кромѣ прекраснаго воздуху, хорошей воды, дичи и рыбы. Дѣйствительно, мнѣ кажется, температура была тогда не такъ сурова, какъ нынче: настанетъ бывало, весна, самая благотворная, во всей природѣ разливается теплота, съ перепадающими по временамъ дождями, оживлявшими всю растительность; въ концѣ мая или іюня начинались жары, а съ половины августа воздухъ освѣжался; словомъ, все было не такъ, какъ нынѣ—апрѣль теплый, а май холодный съ безпощадными морозами; тогда въ сердобскомъ уѣздѣ высѣвали на бахчахъ въ изобиліи и дыни, и арбузы нисколько не хуже нынѣшнихъ камышинскихъ, а геодезы говоритъ будто магнитная

стрѣлка съ 1785 по 1845 годъ показываетъ на 2½ градуса разницы. Почтовыхъ лошадей нельзя было въ то время доставать, даже и вольныхъ, особенно, когда ихъ требовалось въ запряжку болѣе двадцати; ибо населенность была еще рѣдкая, такъ что тридцать и болѣе верстъ на проѣздахъ не было селеній. Поэтому, отправляясь за полтараста верстъ и дѣлая на своихъ лошадяхъ шагомъ не болѣе двадцати верстъ въ станцію, везли съ собой и овесъ для лошадей и провизію для людей. Такъ отправлялись и мы въ шести экипажахъ съ тремя телѣгами; на послѣднихъ помѣщались палатки. Какое было для меня раздолье и удовольствіе, когда мы останавливались въ полдень для обѣда и для покормки лошадей. Мѣсто для этого выбиралось преимущественно на лугу у воды и притомъ, если можно было, у лѣса; тутъ разстанавливали экипажи и обозъ въ такомъ порядкѣ, какъ иногда нынче располагаются цыганскіе таборы. Еще, бывало, не успѣютъ остановиться, какъ я, братъ и сестры, выскочивъ изъ экипажей, уже бѣгали по шелковистой травѣ: пестрота цвѣтовъ, бабочки, а иногда и клубника завлекали насъ далеко. Между тѣмъ пока кучера отпрягали лошадей, спутывали имъ переднія ноги путами и пускали на лугъ щипать траву до дачи имъ овса, батюшка отдавалъ приказанія: «Иванъ, возьми ружье, посмотри нѣтъ ли утокъ или другой дичи; а ты Семенъ съ Поликарпомъ ступайте съ бреднемъ»; и они отправлялись на поискъ вольной провизіи. Въ тоже время поваръ разводитъ огонь, становитъ таганъ, а на него огромный мѣдный чайникъ (тогда самовары были въ особой чести и употреблялись только въ домахъ). Дѣвушки и камердинеръ батюшки, Яковъ Ивановичъ, разстилали на лугу ковры, а на серединѣ ихъ накрывали скатерть

и разстанавливали чайный приборъ и всѣ чайныя принадлежности. Тогда отправляли отыскивать насъ, и мы возвращались съ поисковъ добычи отъ великолѣпной щедрой природы: ягоды, цвѣты, пахучія травы были наградой нашего набѣга; цвѣты и травы разбрасывались около ковра и распространяли благоуханіе. Вся семья садилась на ковры вокругъ чайнаго прибора—пить чай. Между тѣмъ поваръ изъ привезенной и пріобрѣтенной провизіи готовилъ обѣдъ: если на кормежку останавливались въ 8—9 часовъ, то обѣдъ готовился къ 12 часамъ. Онъ состоялъ изъ гораздо большаго числа блюдъ, нежели готовилось дома, изъ опасенія какъ бы которое кушанье не оказалось неудачнымъ. Подавали супъ или кашицу, ветчину, ботвинью, которую везли въ бутылкахъ, къ ней рыбу сушеную и распареную въ горячей водѣ, вяленыя индѣйки и поросята, наконецъ, жареную птицу или рыбу, такъ что, бывало, соскучишься отъ продолжительнаго подаванія яствъ, изъ коихъ болѣе половины оставались нетронутыми. Уборка и укладка всего разобраннаго для обѣда требовали опять много времени. Послѣ обѣда надо было господамъ отдохнуть и людямъ пообѣдать. Въ этотъ промежутокъ собирали съ лугу лошадей, привязывали къ телѣгамъ и задавали овесъ. Такимъ образомъ кормежка продолжалась не менѣе шести часовъ, и съѣзжали съ мѣста въ дальнѣйшій путь не ранѣе четырехъ — пяти часовъ пополудни, когда дневной жаръ уже охлаждался, а часамъ къ восьми останавливались на ночевку по близости селенія, за околицей, на лугу же. Такъ ѣхали мы полтораста верстъ не менѣе какъ три—четыре дня. Наконецъ увидали мы и цѣль путешествія –знаменитый Ломовъ. Не доѣзжая верстъ пять, посланы были два квар-

тирьера верхами на отложенныхъ съ пристяжекъ лошадяхъ съ приказаніемъ осмотрѣть свободное мѣсто лагеря, узнать чьи фамиліи пріѣхавшихъ заняли мѣста, и нѣтъ ли мѣстъ свободныхъ между знакомыхъ ставокъ. По возвращеніи сихъ посланныхъ, кортежъ нашъ отправился на предназначенный пунктъ, гдѣ и остановились экипажи. Изъ нихъ велѣно было ничего не вынимать, пока не разберутся съ телѣгъ привезенныя палатки, которыя и были разстановлены одна подлѣ другой. Одна изъ нихъ, раздѣленная на четыре части, составляла спальную и туалетную семьи и кабинетъ батюшки, а другая, болѣе просторная и раздѣленная внутри, составляла пріемную, столовую и гостинную. Къ стѣнамъ поставлены были на козлахъ доски, покрытыя коврами: онѣ служили диванами, съ пособіемъ нѣсколькихъ походныхъ складныхъ стульевъ; въ такомъ родѣ были и складные столы. За этими двумя палатками ставилась третья—дѣтская палатка, за нею уже въ нѣкоторомъ отдаленіи палатка четвертая—для горничныхъ дѣвушекъ и кухни. За палатками ставились экипажи и коновязи для лошадей. Такими группами палатокъ на берегу рѣки или ручья занималось пріѣзжающими пространство на версту и болѣе и имѣло видъ лагеря. Раскрашенныя масляной краской различныхъ цвѣтовъ и узоровъ палатки представляли красивую картину, особенно въ нѣкоторомъ отдаленіи.

По устройствѣ всего и по приведеніи въ порядокъ походнаго хозяйства внутри и внѣ палатокъ, началась забота объ туалетахъ, женскихъ и мужскихъ, а по устройствѣ и этихъ принадлежностей, приступили къ сношеніямъ съ знакомыми, пріѣхавшими на ярмонку: посылались лакеи узнать о здоровьи и доложить о пріѣздѣ, за этимъ начались и личныя посѣщенія.

Тутъ въ бесѣдахъ главный разговоръ велся о томъ, кто намѣренъ купить и сколько чего, нѣтъ ли слуховъ о цѣнахъ; далѣе—пріѣхали ли такія то и такія то фамиліи, то есть тѣ, на которыхъ имѣлись виды и проч. Главнѣйшая цѣль дворянскихъ фамилій въ посѣщеніи Ломовской ярмонки заключалась въ составленіи браковъ—тутъ были и играли главную роль женихи и невѣсты.

Когда открывалась ярмонка въ такъ называемыхъ рядахъ, то на прилавкахъ размѣщались госпожи покупательницы, бѣленыя и нарумяненыя, нѣкоторыя полныя, бѣлыя, съ естественнымъ цвѣтомъ лица, но все таки притертыя для моды, что же касается до престарѣлыхъ, тощихъ и смуглыхъ лицъ, то ихъ несчастныхъ просто наштукатуривали. Лучшія платья и блонды украшали дѣвицъ и молодыхъ и немолодыхъ вдовушекъ; въ ушахъ блестѣли брилліантовыя серьги; на пальцахъ выставлялись на показъ такія же кольца, а на шеѣ жемчугъ, словомъ тутъ было выставлено все богатство дѣвицы-невѣсты, въ оправданіе пословицы „товаръ лицомъ продается". Родители были въ свою очередь настолько заботливы, что заблаговременно изготовляли отдѣльныя записки и духовныя завѣщанія на то приданое, которыми намѣрены были наградить своихъ дочекъ-невѣстъ, и эти бумаги брали съ собой на случай сговора и для удостовѣренія жениховъ.

Не были въ бездѣйствіи и женихи: они расточали всѣ усилія къ роскоши и любезности, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые пріѣзжали изъ отдаленныхъ губерній и о состояніи которыхъ на подвижной Ломовской биржѣ курсъ довѣрія не былъ достаточно опредѣленъ вѣрными свѣдѣніями. Если съѣзжалось семействъ сто и болѣе, то сколько бывало здѣсь су-

матохи! Обѣды, вечера, прогулки мимо палатокъ не прекращались, безконечныя рекомендаціи новыхъ лицъ, освѣдомленія о нихъ, запутанные неясные отвѣты приводили въ затрудненіе, а иногда и отчаяніе заинтересованныя лица; тутъ втѣснились и клеветы, и хвалы, и сплетни, и увѣренія съ хорошей стороны, и предостереженія отъ бѣды и напасти, а сами разскащики между тѣмъ промышляли въ свою пользу; не обходилось безъ ссоръ и скандаловъ на каждомъ шагу. Бывали и комическія сцены, какъ, напримѣръ, слѣдующая: одинъ молодой человѣкъ дворянинъ слылъ нѣкоторое время львомъ ярмонки. Онъ былъ высокаго роста, стройный, съ приличною наружностью. Носилъ онъ синій фракъ съ свѣтлыми желтыми пуговицами; лифъ у фрака сзади на спинѣ съ пуговицами былъ по тогдашней модѣ, доведенной имъ до крайности, почти подъ лопатками, полы фрака далеко ниже колѣнъ, а спереди талья подъ ложечкой; воротникъ сзади приподнятый выше шейнаго платка, почти закрывалъ весь затылокъ, жилетъ бѣлый съ краснымъ поджилетникомъ, вязаныя шерстяныя триковыя палевыя панталоны, въ обтяжку, опущены въ сапоги личные козловой кожи, востроносыя и съ бѣлыми отворотами. Въ этомъ костюмѣ, съ взбитымъ кокомъ изъ волосъ на напудреной головѣ, молодой человѣкъ расхаживалъ по ярмонкѣ съ лорнетомъ въ рукѣ, съ полнымъ сознаніемъ достоинства и въ полномъ убѣжденіи на успѣхъ и побѣды. Въ числѣ пріѣзжихъ было семейство Х. Двое молодыхъ людей этого семейства, сыновья зажиточныхъ родителей, имѣли при себѣ, по тогдашней привычкѣ богачей окружать себя домашними шутами, какого то штукаря Господова. Изъ зависти ли, или просто для насмѣшки они нарядили этого Господова точно въ такой же костюмъ, какой былъ на госпо-

дивѣ Н.; разница была въ томъ только, что Господову дали вмѣсто лорнета огромное зажигательное стекло. И вотъ этотъ искусственный двойникъ сталъ преслѣдовать его всюду, не только въ рядахъ ярмонки, но даже и при посѣщеніи палатокъ. Послѣдствіемъ этого было то, что въ половинѣ ярмонки Н. уѣхалъ во свояси, а Господовъ, въ утѣшеніе и удовольствіе своихъ патроновъ, остался побѣдителемъ, удержавъ за собою поле битвы. Купцы въ свою очередь не дремали. Когда собиралось общество въ рядахъ и прилавки занимались невѣстами, разукрашенными и разряженными, и около нихъ толпились молодые и пожилые ловеласы, они предлагали свои товары дамамъ и дѣвицамъ и въ то же время спрашивали одобренія жениховъ, и обратно, предлагая товары женихамъ, спрашивали одобренія невѣстъ. Такимъ образомъ подстрекалось самолюбіе, тщеславіе, чванство, усиліе доказать на дѣлѣ свою состоятельность, страсти и ухищренія, и деньги сыпались въ карманы купцовъ безотчетно; пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, они сбывали всякую дрянь; залежавшіяся вещи шли за высокую цѣну и въ заключеніе, когда кончалась какъ торговля купцовъ, такъ и торговля жениховъ и невѣстъ, первые возвращались съ барышами и деньгами, а вторые, прежде всего, безъ денегъ и съ вещами, или дурного качества или такими, которыя имъ вовсе не нужны, а главное одни изъ нихъ съ пріятными надеждами и побѣдами, другіе обманутые, съ горестью въ сердцѣ. Къ счастью, все это не могло относится къ нашему семейству. Брачная спекуляція не входила въ составъ видовъ батюшки: старшей сестрѣ было не болѣе восьми лѣтъ, а старшій братъ былъ въ Петербургѣ записанъ въ кавалергарды; цѣль старика была помолиться чудо-

творной иконѣ Казанской Божіей Матери въ здѣшнемъ монастырѣ и повидаться съ родными и знакомыми. По исполненіи того и другого, палатки наши были сняты и уложены, и мы вступили въ обратный походъ такимъ порядкомъ, какъ ѣхали сюда. Однажды остановились мы кормить на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было подножнаго корма для лошадей, а между тѣмъ въ верстѣ виднѣлся стогъ сѣна; батюшка приказалъ изъ него взять сколько было нужно и по цѣнѣ, чего стоило сѣно, завязать въ вѣтошку мѣдныя деньги, а къ вѣтошкѣ привязать длинное мочальце; узелокъ этотъ велѣно было положить въ стогъ сѣна такъ, чтобы хозяинъ по выпущенному мочальцу могъ замѣтить уплату. Видя все это, я сначала не понималъ что тутъ дѣлаютъ; но когда мнѣ растолковали, то предложилъ мое мнѣніе привязать за мочальцо воробья, по которому хозяинъ и узнаетъ о сдѣланной ему уплатѣ. И люди, и батюшка посмѣялись моему предложенію. Надо сказать, что старикъ мой батюшка былъ человѣкъ безпримѣрной честности, религіозный и цѣломудренный даже въ холостой жизни. Разскажу случай, бывшій съ нимъ въ Петербургѣ. Находясь сержантомъ съ полкомъ въ лагерѣ для ученія, прихожу я однажды—разсказывалъ онъ—къ себѣ на квартиру и послѣ обѣденнаго стола легъ отдохнуть; вдругъ, уже заснувъ, я почувствовалъ, какъ будто муха бѣжитъ у меня по щекѣ, но какъ ничего такого не было, то легъ вторично; но не успѣлъ заснуть, какъ въ другой разъ почувствовалъ тоже самое. Я вскочилъ и увидѣлъ передъ собою молодую женщину весьма изрядную собою. „Милостивый государь—сказала она—не вините никого въ причиненномъ вамъ безпокойствѣ, это я провела мокрой ниткой по щекѣ вашей, имѣя въ виду провести съ вами время

въ уединеніи". Съ этими словами она бросилась обнимать меня и цѣловать. Я былъ внѣ себя и довольно грубо сказалъ, что никакой ея ласки не хочу и шутить съ нею не намѣренъ. Затѣмъ оставивъ постель, я началъ укорять ее въ невѣрности мужу (это была жена маіора) и въ поступкѣ, неприличномъ женскому полу, и удалился поспѣшно въ лагерь, благодаря Бога, что онъ избавилъ меня отъ грѣха и худой славы. Вотъ еще другой, бывшій съ нимъ же, случай, разсказанный имъ самимъ. Мнѣ было—говоритъ онъ—не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, когда меня перевели въ сухопутной шляхетной кадетской корпусъ и, по представленію полковника директору корпуса князю Борису Григорьевичу Юсупову, произвели по корпусу въ чинъ Фельдфебеля, вмѣстѣ съ сержантомъ барономъ Филиппомъ Вигель, съ капраломъ Андреемъ Лопухинымъ, а въ сержанты были въ то же время произведены Осипъ Ушаковъ, Николай Чаусовъ, Иванъ Притчинъ, Иванъ Карауловъ, Семенъ и Акимъ Сулимы. Однажды, когда я занимался въ моей каморѣ дѣлами, часу въ третьемъ ночи, вошелъ ко мнѣ мальчикъ съ просьбою, чтобъ я вышелъ на галлерею для нѣкоторой нужды. Выходя за нимъ въ узкія темныя сѣни, я спросилъ его, куда онъ меня ведетъ и зачѣмъ. Здѣсь дожидается васъ дѣвица, сказалъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ тутъ же бросилась ко мнѣ на шею женщина со слезами: то была дочь капитана, семейство котораго я иногда посѣщалъ—дѣвица прекрасная собой. „Извините меня, говорила она, въ моемъ отважномъ поступкѣ,—я пришла къ вамъ, не быв болѣе въ состояніи переносить любовь къ вамъ и тоску сердца". Я былъ уже въ ея объятіяхъ; но мнѣ было извѣстно, что молодымъ женщинамъ строго запрещалось ходить въ корпусъ и притомъ

особенной склонности я къ этой дѣвицѣ не имѣлъ, и такъ, сдѣлавъ ей строгой выговоръ за ея неосторожность, я возвратился въ мою камору, заперся и продолжалъ писать.

Какіе великіе люди не поклонялись женщинамъ и не падали передъ ними, но и подобные примѣры воздержанія и строгой нравственности въ описываемое время, можетъ быть, были вовсе не рѣдкость. У батюшки была еще и другая добродѣтель—акуратность и расчетливость; благодаря имъ и своей честности, онъ въ мнѣніи всѣхъ своихъ знакомыхъ оставилъ о себѣ память честнаго и благороднаго человѣка.

По возвращеніи изъ Ломова въ деревню, началось наше ученье. Нанятъ былъ Французъ—мосье Леружъ—вандеецъ, эмигрантъ, капитанъ королевской службы, мужчина лѣтъ шестидесяти, толстый, высокаго роста, сѣдой, почти всегда красный (цвѣтъ лица сотвѣтствовалъ его фамиліи) послѣ двухъ рюмокъ водки, съ физіономіей Бурбоновъ или Конде. Онъ былъ наставникомъ во французскомъ языкѣ двухъ моихъ сестеръ, брата моего Дмитрія и моимъ. Въ назначенные часы собирались мы въ классной комнатѣ. Въ 9-ть часовъ утра былъ урокъ по діалогамъ наизусть; въ 10 часовъ мосье Леружъ изволилъ выходить вмѣстѣ съ нами въ столовую завтракать, тутъ онъ выпивалъ свою порцію водки—рюмку чуть не съ нынѣшней квасной стаканъ, закусывалъ чѣмъ случалось, но преимущественно паровой рѣдькой, потомъ отправлялись въ классъ на продолженіе уроковъ. Учитель спрашивалъ изъ діалоговъ по-русски, а мы отвѣчали по-французски, и конечно, гдѣ въ попадъ, а гдѣ и нѣтъ, но безъ дальныхъ претензій со стороны Леружъ; черезъ полчаса уроки замолкали; начина-

лись разсказы учителя и конечно на русскомъ ломаномъ діалектѣ о томъ, какъ живутъ во Франціи; мы слушали и смѣялись на уморъ. Къ 12-ти часамъ учитель начиналъ сердиться на насъ за насмѣшки, но тутъ было уже время оканчивать классы, и мы отправлялись къ обѣду, послѣ котораго мосье Леружъ ложился почивать, а я съ братомъ отправлялись въ садъ, гдѣ всегда ожидали насъ мальчишки фавориты—двое сыновей прикащика Сергѣя Потапыча, получавшіе отъ насъ подачки отъ обѣда. Задобривъ ихъ такимъ образомъ отправлялись мы въ смородину, къ огурцамъ, моркови, бобамъ; насытившись всѣми этими продуктами, отправлялись на конный дворъ на поиски, въ соломенныхъ повѣтяхъ, воробьиныхъ гнѣздъ. душили несчастныхъ десятками хуже голодныхъ кошекъ; а послѣ этихъ подвиговъ возвращались въ классъ на 2 часа для переводовъ и чистописанія. Можно вообразить какъ шли эти уроки послѣ глубокаго сна и можетъ быть съ похмѣлья учителя и послѣ нашей бѣготни и полученныхъ нами царапинъ: написанныя нами каракульки могли бы быть обличителями успѣховъ нашихъ занятій; въ 6 часовъ кончался классъ и мы отправлялись въ столовую пить чай. Федосья Петровна, прикащица, приносила цѣлое рѣшето свѣжаго печенья, кренделей, булокъ, калачиковъ, сухарей, которые мы употребляли на славу. Черезъ часъ послѣ бѣганья въ саду или гдѣ попало, насъ съ братомъ отыскивали и приглашали къ батюшкѣ для полученія порціи сластей—арбуза или дыни, вишенъ, персиковъ или привозныхъ изъ Саратова яблокъ, грушъ, а иногда и для выговора за какія нибудь наши неумѣренныя шалости. Какъ бы то ни было, но время было блаженное, мы наслаждались какъ дѣти настоящимъ, а о будущемъ и въ голову

не приходило. Но всему бываетъ конецъ; такъ и нашей деревенской жизни. Найдя, что образованіе наше не можетъ совершиться въ деревнѣ, батюшка рѣшился переѣхать въ Пензу. Здѣсь мы прожили съ мѣсяцъ на квартирѣ, а потомъ купили домъ (деревянный съ антресолями) у Анны Ивановны Озноби-шиной въ Верхней Нѣшей улицѣ, за 2500 рублей ассигнаціями. Это произошло въ половинѣ лѣта. Осень этого года и начало зимы прожили мы весьма пріятно; всегда были гости, хотя батюшка, по слѣпотѣ своей и нездоровью, не могъ у себя въ кабинетѣ принимать многихъ. Частымъ его посѣтителемъ былъ его соученикъ по кадетскому корпусу и сослуживецъ Филиппъ Лаврентьевичъ Вигель, впослѣдствіи отецъ жены моей, состоявшій тогда въ Пензѣ гражданскимъ губернаторомъ; пріятельницами матушки были Александра Гавриловна Дубенская, Надежда Карповна Копьева, Анна Никольевна Смирнова, Александра Васильевна Миленина, урожденная Зубова, родственница намъ по Олимпіадѣ Николаевнѣ Зубовой. Старшая сестра моя, весьма умная и по тогдашнему образованная дѣвушка, очень пріятной наружности, но въ высшей степени скромная, имѣла много жениховъ, которые всячески ласкали меня и брата. Въ это время занемогъ батюшка; его пользовалъ докторъ Христіанъ Ивановичъ Бухманъ, лучшій тогда медикъ; на консультаціи были приглашаемы и другіе доктора: Яковъ Матвѣевичъ Европеусъ. Петръ Петровичъ Нетерсонъ, но всѣ пособія и усилія были тщетны; онъ скончался тихою смертію. Это произошло въ январѣ 1805 года; тѣло его перевезли въ любимую его Юм—ку и оно погребено у каменной церкви Рождества Христова, сооруженной имъ на свой счетъ. Послѣ погребенія отца, мы цѣлый годъ прожили въ деревнѣ, а

когда опять переѣхали въ Пензу, то тотчасъ отдали меня и брата Дмитрія въ пансіонъ Галье, француза, тоже эмигранта. Въ 1806 году я былъ опредѣленъ на службу въ пензенское губернское правленіе. Несмотря на то, постоянно являлся и въ пансіонъ; но ученье шло плохо. Въ 1810 году, я началъ понимать мои недостатки, встрѣчаясь съ товарищами и сверстниками и затрудняясь въ разговорахъ, такъ какъ многаго и многаго я не понималъ, хотя и они звѣздъ съ неба не хватали. Это положеніе крайне меня безпокоило; я не зналъ какъ восполнить мои недостатки въ свѣдѣніяхъ. Разъ случилось мнѣ взять въ руки Московскія Вѣдомости, гдѣ я нашалъ на публикацію о продажѣ книгъ вновь отпечатанныхъ; изъ нихъ одна заинтересовала меня: это былъ Плутархъ для юношества или жизнеописанія славныхъ мужей древности. Съ неописаннымъ восторгомъ пришелъ я къ старшей сестрѣ и сказалъ ей о находкѣ, которую желалъ бы читать; она съ первою же почтою, на собственныя деньги выписала мнѣ Плутарха. Прочтя эту книгу съ наслажденіемъ, я получилъ охоту ознакомиться съ исторіей, и она обратила мое вниманіе на распредѣленіе государствъ въ Европѣ, что повело и къ изученію географіи; но иностранные языки я зналъ еще мало.--1811-й годъ засталъ меня въ неопредѣленномъ положеніи. Вездѣ слышно было о французахъ, объ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ, о бывшихъ неудачахъ русскихъ армій. Всѣ были озабочены политическими обстоятельствами. Къ концу года предположенія и непріятныя предчувствія усились. Наступилъ 1812 годъ и съ нимъ сомнѣнія и ожиданія разъяснились. Наполеонъ съ 500.000-ной арміей перейдя русскія границы, двинулся быстро внутрь государства. Битва подъ стѣнами Смоленска и внутри города

кончилась оставленіемъ его непріятелю, армія наша отступила къ Бородину: здѣсь опять борьба на жизнь и смерть. Послѣ жестокаго кровопролитнаго боя подъ командой Кутузова, наша армія опять отступила по дорогѣ къ Москвѣ. Вѣсти объ успѣхахъ непріятеля и нашихъ отступленіяхъ приходили ежедневно, а иногда и два раза въ день; все впало въ уныніе. всѣ спрашивали другъ друга, нѣтъ ли какихъ новостей. съ тоскою и отчаяніемъ въ сердцѣ, прибавляя: „ужъ не близко ли Москвы непріятель, не обложена ли Москва, неужели не устоитъ Москва? неужеди Царь допуститъ раззореніе Москвы? нѣтъ ли какой измѣны?“ Въ душевномъ волненіи дворяне и народъ отправлялись отъ мала до велика въ храмы и здѣсь съ колѣнопреклоненіемъ, изливая слезы, молились о спасеніи земли русской, матушки бѣлокаменной Москвы. Когда же на эктеніи литургисавшій взывалъ къ Вседержителю о избавленіи отъ нашествія иноплеменныхъ, тогда слышались громкія рыданія всѣхъ находившихся въ церкви. Отъ обѣдни большая часть стремилась къ почтовому дому справляться не пришла ли почта, нѣтъ ли курьера? Зловѣщее предчувствіе поражало всѣхъ и каждаго, всѣ спрашивали: почему не берутъ еще рекрутъ, почему всѣхъ насъ не ведутъ на защиту земли нашей, всѣ готовы жертвовать собой, умереть сладкою смертію за отечество, отдать все имущество за спасеніе вѣры, царя и отечества. Наконецъ полученъ высочайшій манифестъ императора Александра, которымъ объявлялось, что императоръ Наполеонъ съ французской огромной арміей вторгся въ предѣлы Россіи, и дѣлалось воззваніе къ вѣрноподданнымъ о защитѣ отчизны. Воззваніе это нашло отголосокъ и въ вельможѣ, и въ крестьянинѣ: предложено для усиленія арміи составить ополченіе

изъ помѣщичьихъ крестьянъ, а въ званіе офицеровъ приглашены сами дворяне. Патріотизмъ проявился въ полномъ смыслѣ слова: все воспламенилось, все закипѣло усердіемъ къ отечеству и местію на враговъ; на устахъ каждаго носились слова: Пожарскій, Мининъ, земля русская, Москва, Батюшка Царь, помоги намъ, Господи. Не говоря о классѣ образованномъ, о взрослыхъ простолюдинахъ, крестьянскіе мальчики, младенцы собирались на улицахъ въ кучки, уговаривались играть въ французовъ, становились на двѣ стороны, на одной были русскіе, а на другой мнимые французы, но на послѣднюю становились не иначе, какъ по жеребью или назначенію и непремѣнно съ обязательствомъ, при нападеніи русскихъ, отступать; такъ что игра кончалась всегда торжествомъ русскихъ и крикомъ ура. И сколько было примѣровъ огромныхъ пожертвованій, сколько самоотверженія. Въ комитеты, учрежденные по городамъ для составленія ополченія, дворяне сами являлись наперерывъ, въ особенности бывшіе въ военной службѣ и недавно ее оставившіе. Вмѣстѣ съ другими записанъ былъ и старшій братъ мой Степанъ, но какъ въ это время онъ уже былъ женатъ, а матушка въ преклонныхъ лѣтахъ и слабаго здоровья, притомъ при ней были двѣ сестры дѣвушки, и имѣніе въ разныхъ мѣстахъ, то, съ разрѣшенія матушки, я съ братомъ Дмитріемъ оставили статскую службу и вступили въ ополченіе, отъ котораго и былъ уволенъ старшій братъ, съ оставленіемъ въ должности уѣзднаго судьи въ Инсарѣ. При содѣйствіи тогдашняго губернатора, князя Сергѣя Григорьевича Голицына, мы были назначены въ 3-й пѣхотный полкъ, формировавшійся въ городѣ Инсарѣ подъ командою полковника Марка Васильевича Кушкерева. Чтобы явиться къ нему, надо было обмундироваться и заве-

стись всѣмъ необходимымъ; это я началъ покупкою лошадей верховой и вьючной, для чего отправился въ село Бековo, а оттуда въ село Засѣцкое—имѣніе Мерлина, у котораго былъ тогда знаменитый конный заводъ, преимущественно верховыхъ лошадей; много мнѣ ихъ показывали, но цѣны назначались высоки, не по моимъ деньгамъ; поэтому я отправился отсюда въ село Аркадакъ и тамъ купилъ степную выдержанную гуртовщикомъ подъ сѣдло лошадь, которая мнѣ весь послѣдующій походъ служила какъ нельзя лучше. Возвращаясь изъ Аркадака въ Пензу, подъ самымъ городомъ, я встрѣтилъ князя Мансырова; спрашиваю его: «что новаго». Онъ едва намекнулъ, какъ я уже угадалъ горькую вѣсть, что Москва взята французами. Признаюсь, никогда въ продолженіи моей жизни не ощущалъ я того, что было тогда со мною: остолбенѣвъ, я безсмысленно стоялъ нѣкоторое время. потомъ вдругъ побѣжалъ, оставивъ повозку за собой. Мансыровъ остановилъ меня. Всѣ горюютъ—сказалъ онъ—и всѣ собираются возвращать Москву. При словѣ «Москва» я опомнился, сѣлъ въ повозку и пріѣхалъ домой. Здѣсь нахожу у матушки гостей,—Анну Фроловну Печерину съ маленькой дочкой и молодого мужчину въ синемъ фракѣ, лѣтъ 32—35. Куда какъ не кстати показалось мнѣ это посѣщеніе; однако жъ матушка меня познакомила съ гостемъ; на другой день онъ опять пріѣхалъ; мы провели съ нимъ день, а къ вечеру сестра моя Капитолина сказала, что этотъ гость г. Ч., саратовской помѣщикъ, проситъ ея руки. По привязанности моей къ сестрѣ, эта новость запала мнѣ въ душу тяжелымъ камнемъ; въ раздумьи о будущности ея, я всю ночь почти не спалъ, поутру же, когда еще не успѣлъ одѣться, сестра прислала за мной свою фрейлину—Настасью.

Какъ скоро я взошелъ, она начала объяснять мнѣ свои мысли, выставляя и выгоды и невыгоды сдѣланнаго ей предложенія и требуя моего совѣта. Это польстили моему самолюбію, но я не рѣшился отвѣчать необдуманно. Со слезами на глазахъ я ушелъ отъ нея въ залу, измѣривъ ее бѣгая изъ угла въ уголъ, наконецъ съ тѣми же слезами возвратился къ сестрѣ, упалъ передъ ней на колѣни и уже не совѣтовалъ, а просилъ и умолялъ ее согласиться на бракъ, въ убѣжденіи, что женихъ человѣкъ солидный, что мы идемъ въ походъ, что на старшаго брата надѣяться нечего, что матушка и она съ меньшой сестрой останутся въ такое ужасное и смутное время въ безпомощномъ положеніи, что, выйдя замужъ, она и сама будетъ пристроена и счастлива и не покинетъ, въ случаѣ нужды, матушку и сестру Марью. Мои ли слова, или ея собственная рѣшимость имѣли послѣдствіемъ, что жениху дано слово, и слава Богу. Выйдя замужъ, сестра была весьма счастлива. Я же, послѣ помолвки, отправился въ полкъ. Полковникъ тотчасъ назначилъ меня въ роту субальтерномъ, и я немедленно принялся учиться фронту и службѣ, вовсе мнѣ новой и неизвѣстной. Это было, кажется, въ исходѣ сентября 1812 г — мнѣ шелъ тогда семнадцатый годъ.

Едва всмотрѣлся я въ мои военно-учебныя занятія, какъ полковникъ призываетъ меня къ себѣ и приказываетъ отправиться въ г. Ломовъ для набора ратниковъ въ помощь къ маіору Зимнинскому. Въ исполненіе этого приказанія я прибылъ въ Ломовъ и долженъ былъ приняться за совершенно новое для меня занятіе. Маіоръ былъ боленъ и въ присутствіе набора не ходилъ, почему весь пріемъ 800 человѣкъ остался за мною. Благодаря обязательности маіора Евреинова, который при этомъ вразумлялъ меня, лю-

ди были приняты и постепенно отправлялись партіями въ Инсаръ; съ послѣднею отправилъ я прапорщика Белелюбскаго, а на другой день, закончивъ дѣло по пріему, выѣхалъ и самъ тоже въ Инсаръ, располагая догнать здѣсь партію; но каково было мое удивленіе, когда, отъѣхавъ верстъ съ 20 отъ Ломова, я нашелъ моихъ ратниковъ спящими въ кустахъ, а офицера полураздѣтаго въ телѣгѣ. Это меня встревожило; спрашиваю: «почему партія остановилась здѣсь, а не на второмъ переходѣ, гдѣ она должна бы быть по маршруту», и получаю въ отвѣтъ отъ полустараго Белелюбскаго, что люди отзываются усталостью, а нѣкоторые отправились къ домашнимъ проститься съ семействами верстъ за 7—10. Дѣлать было нечего: я отдалъ приказъ нѣсколькимъ человѣкамъ ѣхать на подводныхъ лошадяхъ за отпущенными, съ тѣмъ, чтобъ выслать ратниковъ на ихъ домашнихъ подводахъ и догнать насъ какъ можно скорѣе, а самъ повелъ партію. Не доходя до Инсара, всѣ люди собрались; я сдѣлалъ имъ перекличку и представилъ партію самъ. Полковникъ, осмотрѣвши людей, остался наборомъ и исправностью доволенъ, и отдалъ благодарность въ приказѣ по полку. Вскорѣ всѣ роты были укомплектованы и я былъ назначенъ въ 4-ю роту 2-го баталіона, въ которой ротнымъ командиромъ былъ поручикъ Т., вышедшій въ отставку изъ кавказскаго корпуса, знавшій хорошо службу, но горькій пьяница и буянъ. Меня онъ полюбилъ, и когда находился въ трезвомъ состояніи, занимался ученіемъ роты. Я поневолѣ долженъ былъ вникнуть во всѣ подробности по ученью и управленію ротой, ибо, когда мой командиръ былъ, какъ говорится, не въ себѣ, то ученіе оставалось за мной однимъ и поротно, и на полковомъ плацу. Къ счастію, при мнѣ находился

нанятый мною, собственно для моего наставленія, отставной унтеръ-офицеръ, который былъ въ этомъ случаѣ моимъ учителемъ. Обмундировка ратниковъ состояла у офицеровъ въ сѣромъ суконномъ казакинѣ съ такими же шарварами (причемъ у офицеровъ и унтеровъ воротники и лампасы были зеленаго цвѣта), а по казакину ремянный поясъ съ пряжкою; у простыхъ ратниковъ были пики трехъ аршинъ длиною, а у офицеровъ сабли, кто какую имѣлъ, и надо сказать, очень плохія, такъ что нѣкоторые клинки изъ простого желѣза гнулись, какъ моченое лыко. Я съ братомъ жилъ въ домѣ старшаго брата Степана и въ это время къ намъ пріѣхала изъ Пензы матушка съ сестрою Марьей.

Здѣсь я долженъ разсказать событіе, которое до сихъ поръ свѣжо въ моей памяти. Передъ нашимъ домомъ была деревянная церковь Рождества Христова и тутъ же порядочная площадь, на которой происходило и ученіе моей роты. Не помню когда именно, но кажется въ первыхъ числахъ декабря (8 или 9) вышелъ я къ ротѣ и, приготовивъ ее, повелъ на полковой плацъ, противъ квартиры полковника. Онъ жилъ въ домѣ Головизнина, недалеко отъ чугуннаго завода Маріи Васильевны Никоновой. На плацу не нашелъ я, однако, ни одного офицера при ротахъ, хотя былъ въ сборѣ весь полкъ, состоявшій изъ четырехъ баталіоновъ, въ каждомъ по четыре роты въ 180 человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы стоять фрунтомъ побаталіонно и ротно, люди съ пиками въ рукахъ бѣгали изъ одной кучки въ другую, нѣкоторые лежали, по временамъ слышенъ былъ какой-то роготъ; моя рота тоже начала расходиться. Спрашиваю фельдфебеля: «что значитъ этотъ безпорядокъ?» Да что, ваше благородіе—бунтовать хотятъ, отвѣчалъ онъ. Тотчасъ

пошелъ я къ полковнику; но нахожу домъ его окруженнымъ ратниками, которые требовали, чтобы онъ къ нимъ вышелъ. Съ большимъ трудомъ пробился я сквозь толпу, однако, къ удивленію моему, вхожая дверь была заперта и никого не впускали. Послѣ долгихъ переговоровъ, чтобъ меня впустили, наконецъ поручикъ Дмитрій Михайловичъ Мещериновъ отворилъ дверь настолько, что я могъ пролѣзть, имѣя саблю наголо, и по входѣ моемъ, тотчасъ задвинули опять запоръ. Тутъ я нашелъ всѣхъ офицеровъ полка, разсуждающихъ что дѣлать? На спросъ мой, что все это значитъ, узнаю, что ратники не хотятъ учиться и объявили, что не пойдутъ въ походъ, котораго ожидали со дня на день, въ убѣжденіи, что ополченіе собрано не по волѣ Государя, а по волѣ самихъ дворянъ и съ тѣмъ, чтобъ, приведя ихъ передъ французскую армію, продать безоружныхъ Наполеону, а онъ, какъ плѣнныхъ, отошлетъ ихъ воевать за него въ другія нѣмецкія земли, точно такъ же, какъ продали Москву, а въ доказательство самовольства дворянъ они представляли то, что, вопреки узаконеннаго обычая, у нихъ ни лбовъ, ни бородъ не брили, къ присягѣ не приводили, обмундировка не рекрутская, а крестьянская, и—главное—не объявляли имъ печатнаго указа Царя, за золотой печатью; всѣ эти дикія нелѣпости было слѣдствіемъ, какъ полагали, интригъ Наполеона, который дѣйствовалъ чрезъ шпіоновъ, разсѣянныхъ тогда по всей Россіи во множествѣ, въ особенности Евреевъ и обрусѣвшихъ Поляковъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ нелѣпомъ убѣжденіи ратники настоятельно требовали выхода къ нимъ полковника и всѣхъ офицеровъ, по неудовлетвореніи же ихъ требованія, начали пиками бить стекла въ окнахъ, которыя не были закрыты ставнями, и затѣмъ,

вдругъ раздался крикъ нѣсколькихъ голосовъ: на заводъ, на заводъ, за соломой; обложимъ домъ и зажемъ: пусть сгорятъ окаянные предатели. Въ эту минуту подходитъ ко мнѣ полковникъ Кушнеревъ и даетъ запечатанный пакетъ, довольно толстый, сказавъ: извольте отправиться немедленно курьеромъ въ Пензу и представить это донесеніе губернатору и дивизіонному ополченія (первымъ былъ тогда камергеръ князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ, а вторымъ генералъ-маіоръ Николай Федоровичъ Кишинскій). Я докладываю полковнику, что ратники могутъ у меня отнять пакетъ, и потомъ гдѣ взять лошадей. «Пакетъ извольте спрятать и беречь, а лошадей добудьте гдѣ знаете», былъ отвѣтъ. Офицеры присовѣтывали мнѣ растегнуться и заложили пакетъ за спину подъ мундиръ. Полковникъ далъ это порученіе мнѣ, какъ кажется, потому, что моя рота была сформирована лучше другихъ и волненія въ ней не замѣчалось. значитъ оставалась нѣкоторая довѣренность роты къ Т. и ко мнѣ, а главное потому, что я въ самомъ пылу бунта и раздраженія прошелъ между всего полка невредимымъ и послѣдній пришелъ въ домъ, почему заключили, что и обратно меня пропустятъ скорѣе, чѣмъ другого, а на расторопность и смѣтку мою полковникъ тоже надѣялся. Такимъ образомъ я выпущенъ былъ въ тѣ же двери, въ которыя былъ впущенъ; но едва показался въ толпѣ, какъ она меня обступила съ крикомъ: «куда идешь, зачѣмъ»? Я отвѣчалъ: «иду домой, къ матушкѣ, обѣдать». Вретъ, обманываетъ молокососъ,—и нѣкоторые начали уже толкать меня, а одинъ разорвалъ на мнѣ застежки мундира и вытащилъ книжку съ деньгами, коихъ было около тысячи рублей красненькими ассигнаціями; толщина книжки была причиной

алчности и дерзости грабителя, вѣроятно полагавшаго вмѣстѣ съ деньгами найти еще какія нибудь приказанія на бумагѣ; не успѣлъ онъ вырвать мою книжку, какъ другіе стали у него отнимать и начался дѣлежъ моихъ денегъ. Въ эту критическую для меня минуту, когда судьба поставила меня лицомъ перваго въ жертву неистовой толпы, вдругъ выбѣгаютъ двое ратниковъ, Егоръ Устиновъ и Федоръ Филимоновъ (отданные изъ нашего имѣнія), и останавливаются около меня съ крикомъ: «не трогайте, это нашъ баринъ»! Къ нимъ присоединилось еще четверо ратниковъ, принятыхъ изъ села Пушкина, которыхъ всѣхъ, какъ славныхъ ребятъ. Т. и я любили и сдѣлали ихъ урядниками. Всѣ шестеро выручили меня изъ толпы и окруживъ повели, подъ охраной пикъ, съ крикомъ: «не трогай, не дадимъ обижать». Но въ это самое время одинъ здоровый ратникъ, просунувъ между моихъ охранителей руку, схватилъ за полу шубу мою, накинутую на плеча, и сдернулъ ее съ меня въ одну минуту. Защитники мои бросились было отнимать ее, но чтобы предупредить схватку, я упросилъ ихъ оставить это дѣло, хотя шуба и была цѣнная даже по тогдашнему,—на тумаковомъ мѣху, не хуже доброй собольей. Тогда мы пошли дальше краемъ дороги, стараясь миновать бунтующей толпы. Между тѣмъ ратники, человѣкъ болѣе ста, бѣгавшіе на чугунный заводъ за соломой, хотѣли уже обкладывать ею домъ и зажечь; но другіе непьяные остановили, говоря, что огонь не шутка, хотя и зимнее время, но можетъ сдѣлаться общій пожаръ и причинить несчастіе другимъ невиновнымъ. Во время этого спора человѣкъ тридцать, помогая другъ другу, влѣзли по углу дома на крышу, просунулись слуховымъ окошкомъ на чердакъ и съ пика-

ми въ рукахъ спустились въ комнаты дома, тутъ началась развязка. Офицеры стали отмахиваться саблями и рубить по пикамъ, по длинѣ коихъ ратникамъ неловко было дѣйствовать въ тѣсныхъ комнатахъ, поэтому они рѣшились отворить двери, и вышли на площадь. Тутъ на перваго напали на полковника; разбили ему голову до крови, такъ что она потекла ручьемъ на мундиръ, сорвали съ него ордена, и одинъ изъ ратниковъ надѣлъ ихъ на себя и провозгласилъ: «я теперь вашъ полковникъ, меня слушайтесь; болѣе никого не бить, слышите! ведите въ тюрьму—тамъ допросимъ». Но уже нѣсколько офицеровъ были переранены въ кровь. Мгновенно бунтующая толпа хлынула рысью, ведя подъ руки офицеровъ; дойдя до меня, персѣкли мнѣ дорогу, и тутъ я увидалъ полковника и офицеровъ окровавленныхъ. Одинъ офицеръ сказывалъ, что полковникъ невидимо вышелъ изъ своего дома и спрятался въ домѣ Головизнина, и что, будто, здѣсь нашли его ратники, по указанію маіора Зимнинскаго, когда ратники ворвались въ домъ, гдѣ я оставилъ офицеровъ. Этому событію я уже не былъ свидѣтелемъ, потому достовѣрно и не знаю, гдѣ былъ взятъ полковникъ, но вѣроятно, вмѣстѣ съ офицерами, ибо уходить въ другой домъ ему было некогда, да кажется, что и домъ Головизнина тотъ самый, гдѣ квартировалъ полковникъ и гдѣ всѣ мы были вмѣстѣ съ нимъ. Предоставляю вообразить другимъ мое положеніе; имѣя подъ мундиромъ пакетъ съ донесеніями, я думалъ: что, если обыщутъ и найдутъ его у меня, что будетъ? но Богъ сохранилъ меня: защитники мои довели меня до моего дома благополучно и сдали меня на руки человѣку моему Родіону Михайловичу, приказавъ строго беречь меня и приговоривъ, что онъ будетъ отвѣчать за барина, а что сами они

пойдутъ выручать Дмитрія Ивановича; дѣйствительно, они выручили моего брата и спрятали на кожевенномъ заводѣ, принадлежавшемъ батюшкѣ, въ двухъ верстахъ отъ Писары. По пришествіи моемъ въ домъ, я увидѣлъ въ немъ полное разрушеніе: тогда, какъ толпа ратниковъ атаковала домъ полковника, прочіе кинулись артелями разбивать кабаки и домы, въ числѣ коихъ напали на домъ брата моего Ст., гдѣ мы жили. Мебель, сундуки, шкапы—все было разломано, имущество расхищено, стекла выбиты, двери, большею частью наружныя, выломаны, даже полы были взломаны въ предположеніи, что тамъ спрятано какое нибудь добро. Къ счастью, матушка съ сестрой были вывезены благополучно изъ города на кожевенный заводъ. Начинало смеркаться; мнѣ надо было ѣхать въ Пензу; а лошадей не было кромѣ одной. Эту лошадь камердинеръ Родіонъ Михайловичъ запрегъ въ простыя сани, присовѣтовалъ мнѣ снять съ себя мундиръ, накинуть наголыный тулупъ, обернуть ноги онучами и надѣть лапти (мундиръ же и прочее связали въ узелъ и спрятали въ конюшнѣ въ сѣнной трухѣ), въ сани послалъ немного соломы, на которую я и легъ, а сверху меня закрылъ соломой же и около меня воткнулъ желѣзныя вилы стоймя, затѣмъ, пригласивъ повара нашего Федора Семенова, сѣлъ съ нимъ на облучки саней и какими то глухими переулками вывезъ меня благополучно изъ города,—и тутъ только я вылѣзъ изъ моей соломенной тюрьмы. На 4 или 5 верстѣ намъ встрѣтились три огромныя господскія повозки, ѣхавшія въ городъ; предполагая, что это должно быть большое семейство, я остановилъ первую повозку и на вопросъ мой узналъ, что это семейство Селунскихъ,—жена полковника Селунскаго съ дочерьми и малолѣтними сыновьями; мужъ

ея былъ командиромъ 1-го полка ополченія, формировавшагося въ городѣ Саранскѣ. Желая скрыть отъ ея людей мое настоящее положеніе, я началъ объясняться съ ней по-французки, но она плохо понимала, наконецъ сказалъ ей, чтобъ она рѣшительно въ Инсаръ не ѣздила, а воротилась для спасенія себя куда знаетъ; самъ же не теряя времени поѣхалъ далѣе. Съ самаго выѣзда моего изъ Инсара погода была ужасная, дорогу завалило снѣгомъ, такъ что нѣсколько разъ я ее терялъ и уже часовъ въ 12 пріѣхалъ въ село Хитрово, въ имѣніе Петра Андреяновича Вельяшева. Подъѣхавъ къ дому, вхожу въ прихожую; но лакеи, видя мою одежду, не хотѣли докладывать барину, что я желаю его видѣть и отсылали меня къ священнику, предполагая что я семинаристъ. Это заставило меня позвать Федора Семенова, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышелъ изъ дома Вельяшева, гдѣ онъ учился въ поварахъ— люди узнали его и уже по его словамъ доложили барину; я нашелъ его въ кабинетѣ, сказалъ ему кто я, куда посланъ и по какому случаю; все это очень озадачило старика, онъ радушно предложилъ мнѣ угощеніе—чай, ужинъ, но я отъ всего отказался, и только просилъ дать какъ можно скорѣе лошадей и провожатаго, что онъ и исполнилъ. Въ селѣ Бибиковѣ, нашемъ имѣніи, я нашелъ въ избѣ у старосты матушку и сестру, спасенныхъ людьми. Послѣ первой радости свиданія онѣ разсказали, что кучеръ Поликарпъ Лукьяновъ запрегъ лошадь въ зимнюю повозку тогдашняго солиднаго размѣра, накладенную пожитками, въ которой помѣстилась матушка, сестра и барская барыня матушки Прасковья Петровна, на козлахъ же сѣли Поликарпъ и лакей Никифоръ Козминъ, и такимъ образомъ на одной лошади, по зане-

сенной снѣгомъ проселочной дорогѣ, пріѣхали они изъ Инсары въ Бибиково, т. е. сдѣлали безостановочно сорокъ верстъ съ тяжестью до шестидесяти пудовъ; поэтому можно судить о силѣ лошади; таковы были тогда конскіе заводы у помѣщиковъ; въ нынѣшнее время и признаковъ этихъ заводовъ уже не осталось, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя коннозаводчиками къ распространенію сильныхъ лошадей; причина та, что нѣтъ уже тѣхъ обширныхъ степей съ ковыльными травами, которыя представляли обильный кормъ и пространное пастбище, такъ что, если, бывало, табунъ лошадей шарахнется (чего либо испугавшись), то пастухи не скоро могли догнать ихъ; случалось, что онѣ даже убѣгали верстъ за сорокъ. Прежде четырехъ лѣтъ лошади не знали конюшни, оставаясь на корму въ естественномъ положеніи и развиваясь на свободѣ вмѣсто выправки ихъ нынѣшней гимнастикой, въ запряжку же употребляли ихъ не ранѣе шести лѣтъ и то еще не считали такую лошадь вступившей въ настоящую силу; вотъ почему тогдашнія лошади служили хозяину до тридцати лѣтъ; несмотря на то, удивительно, что эти самыя лошади въ ѣздѣ съ первой запряжки были чрезвычайно смирны.

Пробывъ въ Бибиковѣ часа полтора, покуда собрали и запрягли лошадей, я отправился въ Пензу. Здѣсь я немедленно явился къ дивизіонному командиру, генералъ-маіору Кишинскому, и вручилъ ему донесеніе полковника. Прочитавъ бумагу, генералъ при мнѣ же поѣхалъ къ губернатору, сказалъ адъютанту Саврасову, чтобы собрался конный полкъ ополченія къ его квартирѣ на площадь, а мнѣ приказалъ пополнить мою обмундировку и затѣмъ отправиться въ полкъ. Такимъ образомъ съ недѣлю

пробылъ я въ Пензѣ, куда пріѣхала матушка съ сестрой и братьями, и когда возвратился въ полкъ, то уже нашелъ здѣсь новаго полкового командира (Кушнеревъ вышелъ за болѣзнію въ отставку) — подполковника Петра Алексѣевича Бекетова. Тутъ я узналъ, что для усмиренія бунтовавшихъ ратниковъ, по распоряженію гражданскаго губернатора, истребованы были военныя команды изъ войскъ, бывшихъ тогда на походѣ чрезъ Пензенскую губернію въ г. Орелъ, изъ корпуса генерала Лобанова-Ростовскаго, съ коими прибылъ на мѣсто генералъ-маіоръ Адамовичъ и изъ Саратова бригадный командиръ внутренней стражи, полковникъ Румянцевъ съ 136 человѣками гарнизонной команды и казаковъ. По усмиреніи ратниковъ въ Инсарѣ, команды эти были раздѣлены и обращены въ города Саранскъ и Чембаръ противъ возмутившихся и тамъ ратниковъ 1-го и 2-го полковъ ополченія, а когда и здѣсь водворился порядокъ, то, по распоряженію командующаго корпусомъ ополченія, генерала графа Петра Александровича Толстаго, былъ присланъ полковникъ Николай Николаевичъ Муравьевъ для производства слѣдствія и учрежденія военно-судной коммиссіи. Къ нему былъ присоединенъ, въ званіи депутата отъ гражданъ, присланный отъ пензенскаго губернатора для увѣщанія ратниковъ, надворный совѣтникъ Ларіоновъ, а по Саранску губернскій стряпчій Степанъ Матвѣевичъ Поповъ. По слѣдствію оказалось, что возмущеніе возникло отъ ложныхъ слуховъ, дошедшихъ отъ одного ратника Федота Петрова, который, бывъ посланъ въ Пензу, слышалъ тамъ отъ рекрутской жены, имя которой не запомнитъ, что будто читали на базарѣ указъ о распущеніи ополченія, о чемъ Петровъ, возвратясь въ Инсаръ, объявилъ двумъ ратникамъ, Его-

ру Попову и Якову Федорову; сверхъ того, пріѣзжавшіе изъ нижне-ломовскаго уѣзда села Есиневки люди разсказывали, что они давно ждутъ возвращенія своихъ ратниковъ, такъ какъ въ Тамбовѣ распущена милиція и прибавляли еще, что ратниковъ къ присягѣ не велѣно приводить, а безъ присяги въ походъ не поведутъ, что поэтому и поневолѣ ихъ распустятъ. Такое разглашеніе имѣло послѣдствіемъ то, что когда данъ былъ приказъ о выступленіи въ походъ, то ратники 3-го полка 1-го баталіона 1-й роты потребовали присяги и именнаго повелѣнія, послѣ чего полковникъ Кушнеревъ, выйдя передъ Фронтъ, увѣщевалъ воиновъ къ послушанію, но какъ это оказалось безъуспѣшнымъ, то приказалъ взять двѣнадцать человѣкъ подъ арестъ и отправился на свою квартиру; но затѣмъ болѣе чѣмъ половина полка отправилась въ городъ толпою, забрала пики и начала разбой кабаковъ и домовъ обывательскихъ, а остальные остались около квартиры полковника, начали въ домѣ бить пиками стекла, ворвались въ комнаты, перехватали офицеровъ и полковника, били его и нѣкоторыхъ офицеровъ до крови, потомъ отвели въ тюрьму, разграбили полковую сумму (ассигнаціями до тридцати тысячъ рублей), такъ что вмѣстѣ съ пограбленнымъ въ городѣ имуществомъ цифра похищеннаго восходила до ста тридцати тысячъ ассигнаціями. По этому слѣдствію военно-судная коммиссія распредѣлила ратниковъ къ наказанію на три категоріи: изъ всѣхъ трехъ полковъ тридцать два человѣка опредѣлено наказавъ кнутомъ, сослать въ каторжную работу, двѣсти восемьдесятъ человѣкъ прогнавъ шпицрутенами, отправить въ дальніе гарнизоны, и наконецъ до 800 человѣкъ наказать передъ полками палками. Присужденіе и приведеніе въ исполненіе конфирмовалъ диви-

зіонный командиръ ополченія генералъ-маіоръ Василій Петровичъ Титовъ, поступившій на мѣсто генерала Кишинскаго, вышедшаго въ отставку. Въ числѣ причинъ, усиливших·ъ развитіе бунта, можно полагать отсутствіе дисциплины, несохраненіе субординаціи ратниковъ къ офицерамъ; изъ послѣднихъ, нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ, небогатые люди, отпускали ратниковъ по нѣскольку разъ домой къ роднымъ, получая за это гостинцы изъ съѣстныхъ припасовъ и деньги, о дѣйствительномъ же разграбленіи казенныхъ денегъ тайна осталась за тогдашнимъ полковымъ казначеемъ Алексѣемъ Федоровичемъ Реновымъ.

При наказаніи преступниковъ кнутомъ; я не присутствовалъ, но когда осужденные проходили подъ шпицрутенами, то ихъ крики, ослабѣвавшіе по мѣрѣ изнеможенія и утраты послѣднихъ силъ, помѣщеніе изнеможенных·ъ на опрокинутыя дровни для окончанія положеннаго числа ударовъ, истекающая кровь, даже смрадъ крови (ибо былъ теплый день безъ вѣтра)—все это глубоко потрясло меня и при первомъ возможномъ случаѣ я поспѣшилъ оставить мѣсто наказанія, прося Бога изгладить у меня изъ памяти видѣнное; но и теперь, обсуждая хладнокровно это наказаніе, я не могу не пожелать, чтобы оно замѣнено было другимъ.

По окончаніи наказанія и по приведеніи въ порядокъ полка, мы выступили въ походъ подъ прикрытіемъ 150 человѣкъ башкиръ, такъ что половина ихъ шла въ авангардѣ, а другая въ аріергардѣ, а пики везли на подводахъ въ нѣсколькихъ переходахъ позади полковъ. Тяжелъ подъемъ въ русскихъ путешествіяхъ вообще, подъемъ же полка, худо дисциплинированнаго, въ особенности! Съ 10-ти часовъ ут-

ра поднялась страшная погода при морозѣ градусовъ въ 20; дорога была занесена снѣгомъ; между тѣмъ люди, кромѣ ранцевъ несли на себѣ много ненужныхъ вещей и разной провизіи вареной, соленой, жареной и каленой, данной имъ сродничками на дорогу; на 12—14 верстѣ многіе стали уже отставать и перемѣшались съ чужими ротами; тоже было и съ обозомъ. Подъ ночевку было назначено три или четыре селенія: люди помѣстились на квартирахъ, кто куда попалъ; помню, что я съ братомъ и двумя офицерами, Дмитріемъ и Егоромъ Михайловичами Мещериновыми, остановился на одной квартирѣ, куда мы пришли часовъ въ 10-ть вечера, усталые до нельзя. Для меня все это было новое дѣло: почти на половину время, въ прежней домашней жизни, я ходилъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, и вдругъ перейти въ сапоги съ шерстяными чулками, промаршировать по морозу и вьюгѣ двадцать верстъ и вмѣсто лимонаду и шеколаду разрѣшить на ерофѣичъ,—какъ хотите важная перемѣна въ жизни 17-ти лѣтняго мальчика; но тогда и въ голову не входило мнѣ мое будущее: я беззаботно предавался судьбѣ безъ дальнихъ соображеній.

Мы вошли въ просторную и теплую избу, освѣщенную лучиной. Дмитрій Михайловичъ, какъ отставной поручикъ изъ гусарскаго полка Шевича, былъ привыченъ къ походамъ: онъ скомандовалъ зажечь наши свѣчи и подавать самоваръ, чему я чрезвычайно обрадовался, во-первыхъ потому, что съ непривычки дымъ начиналъ мнѣ есть глаза, а чай послѣ перехода, озноба и усталости, истинное наслажденіе. Фадѣй, камердинеръ Мещеринова, проворно подалъ самоваръ—и началось роспиваніе чая. Вдругъ слышу возгласъ Д. М-ча (державшаго бутылку въ рукахъ).

«Петръ! (такъ онъ меня звалъ) знаешь ли, въ этой бутылкѣ сколько добра и зла?» —Нѣтъ, не знаю.— „Попробуй, можетъ и узнаешь“.—Съ этими словами онъ влилъ мнѣ чего то въ чашку. Спрашиваю: что это?—«Французея! Покуда мы съ тобой, учись другъ, познавать добро и зло: ты юноша неопытный,—мнѣ хочется тебя помуштровать. Пей».— Я попробовалъ и поморщился. М. былъ немного близорукъ, устремилъ взглядъ на меня и спрашивалъ: что?—Не вкусно, говорю. «Вотъ видишь—продолжалъ онъ—подольешъ въ мѣру—добро; перельешъ лишнее—будетъ зло и будешь пьянъ; я чай, тебя учили не упиваться виномъ, въ немъ же есть блудъ; пьяный человѣкъ никуда не годится, готовъ на всякое зло и неспособенъ ни на какое добро,—помни это, другъ Петръ; а чашку то дай мнѣ, я ее допью.» Этотъ почтенный человѣкъ во весь походъ наблюдалъ за мной, вразумлялъ меня и дѣйствительно любилъ; я тогда привыкъ къ нему какъ къ охранителю моему и благодѣтелю, посланному мнѣ свыше: тогда я уважалъ его, а теперь вспоминаю, съ благовѣніемъ, какъ о личности добродѣтельной; да и офицеры всего корпуса уважали его. Послѣ чаю, опять послышалась его команда и тому же Фадѣю: ужинать, Фадѣй!—Увидѣвъ, что поданы въ кострюлѣ щи, я удивился какъ успѣли такъ скоро сварить ихъ, и узналъ, что ихъ сварили еще въ Писарѣ, розлили въ бурачки, и изъ одного замерзлаго теперь разогрѣли. За щами подали жареную индѣйку, а передъ столомъ принесена была бутыль, обшитая войлокомъ, изъ которой Мещериновъ налилъ мнѣ въ рюмку что то густое; «ну-ка, Петръ, попробуй и этого!» Я глотнулъ полрюмки.—это былъ ерофѣичъ, но густой какъ постное масло: отъ морозу водянистыя части замерзли

и не выливались изъ бутылки, а спиртъ сгустился; слѣдовательно вмѣсто полрюмки хватилъ цѣлую, что во время ужина въ теплой избѣ меня порядочно разобрало. Я легъ спать на передней лавкѣ, всѣ прочіе тоже разложились и заснули. Черезъ часъ меня будитъ мой Родіонъ Михайловичъ. Я просыпаюсь, смотрю и не вѣрю себѣ: передо мною стоитъ слѣдователь рагниковъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ; выѣхавъ изъ Инсара, онъ долго плуталъ въ погоду и, попавъ въ селеніе. устремился на первый огонь въ окнѣ; ему сказали. что тутъ стоятъ офицеры, поэтому онъ и вошелъ. Поздоровавшись со мной, онъ запретилъ будить товарищей, и самому приказалъ ложиться и спать, просилъ только для себя чаю и, если есть, рому. Я не послушался его самъ сдѣлалъ чай, добылъ ромъ, а между тѣмъ полковникъ влѣзъ на печь, туда ему Родіонъ и подалъ чай; согрѣвшись, онъ настоялъ, чтобъ я спать ложился, а когда мы проснулись, то его уже не было: онъ поѣхалъ далѣе. По утру ударили сборъ: надо было сдѣлать перекличку. Каково же было мое удивленіе и замѣшательство, когда ратниковъ оказалось въ ротѣ лишь на половину, а вмѣсто недостававшихъ были изъ другихъ ротъ. Что можно было подумать: дѣйствительно ли мои заночевали въ другихъ ротахъ, или нѣкоторые бѣжали; но дѣлать было нечего. Отойдя отъ квартиръ верстъ восемь, на переходѣ, когда весь полкъ соединился ротами, полковникъ остановилъ полкъ на привалъ. приказалъ ратникамъ перейти каждому въ свою роту и ротнымъ командирамъ сдѣлать перекличку по спискамъ: къ счастію, всѣ оказались налицо и извѣстно бѣжавшихъ не было.

Такъ начался походъ и продолжался переходами верстъ 20—25 въ день, подъ прикрытіемъ башкиръ,

которые своими грубыми, дикоазіятскими выходками много забавляли насъ; шутки ихъ съ ратниками производили много смѣху. Я не любилъ ѣхать въ саняхъ или верхомъ, какъ многіе дѣлали изъ офицеровъ; но всегда шелъ передъ полкомъ вмѣстѣ съ музыкантами и пѣсельниками. Стараньемъ полковаго адъютанта Дмитрія Яковлевича Федорова и баталіоннаго Ивана Тимофѣевича Шишкина, былъ сформированъ порядочный хоръ пѣсельниковъ; главную роль игралъ запѣвало Журавлевъ, не помню изъ чьего имѣнія принятый, но бывшій женскимъ портнымъ—прегорькой пьяница; но дискантъ имѣлъ такой, какого я не слыхивалъ—звонкій, чистый, какъ колокольчикъ. Никогда не забуду, какъ разливался онъ соловьемъ, гдѣ-нибудь въ уединенной рощѣ. Любимыя его пѣсни были: «о чемъ ты, Маша плачешь?» и другая—«пролегала тутъ дорожка»—обѣ заунывныя пѣсни хватали прямо за сердце.

Маршрутъ нашъ лежалъ на Чембаръ, Тамбовъ, Курскъ, Кіевъ. Этотъ послѣдній особенно заинтересовалъ насъ своимъ населеніемъ, состоявшимъ изъ малороссіянъ, ихъ языкомъ, образомъ жизни и избами, болѣе опрятными, чѣмъ у нашихъ русскихъ. Въ 30 верстахъ отъ Кіева остановились мы на контониръ-квартирахъ за весеннею распутицей: въ моей квартирѣ была хозяйская дочь, хорошенькая и веселенькая; иногда я мѣшалъ ея работамъ, и когда бывало ущипнешь ее, не получа удовлетворительнаго отвѣта, то она сердилась, говоря: отчепись, смурый огняной. Чтобы объяснить это выраженіе, я долженъ напомнить, что офицеры всѣхъ полковъ вышли въ походъ въ сѣрыхъ козакинахъ, съ зелеными воротниками; потомъ начальство признало полезнымъ сдѣлать различіе между полковъ цвѣтомъ воротниковъ: для это-

го полковой командиръ отправилъ меня въ Кіевъ, куда прибывъ, явился я къ корпусному командиру, графу Толстому, и онъ приказаль сѣрый цвѣтъ замѣнить чернымъ, съ воротникомъ и лампасами на брюкахъ ранжеваго цвѣта, а киверъ имѣть четыреугольный, въ вышину фуражки, съ ранжевымъ же околышемъ. По этой формѣ сдѣлавъ мундиръ, явился я на смотръ къ графу Толстому, который и одобрилъ ее; послѣ чего я опять отправился къ полковому командиру, а отсюда въ свою роту, въ село Рогозово, помѣщицы Елизаветы Степановны Сулима, пожилой женщины, ласкавшей меня матерински. Простоявъ тутъ еще недѣли три, пока продолжалась распутица, по случаю переходнаго времени съ зимы на лѣто, мы выступили въ походъ, подъ звуками барабановъ и пѣснями соловьевъ и жаворонковъ, между которыми солировалъ и пьяный Журавлевъ, приложивъ правую руку къ уху. На этомъ походѣ занемогъ мой добрый благодѣтель и наставникъ, Дмитрій Михайловичъ Мещериновъ: горячка въ двѣ недѣли сокрушила его крѣпкую натуру; онъ умеръ на дневкѣ и я съ братомъ его, Егоромъ, почетно и съ честію предали его землѣ; впрочемъ, теперь уже не помню мѣсто, гдѣ похоронено его тѣло—кажется, не далеко отъ Владиміра на Бугѣ.

Походная жизнь моя въ это счастливое время текла беззаботно; неприхотливая пища, какая гдѣ случится, сонъ тихій, сладкій и безмятежный поддерживали мое здоровье. Перейдя границы герцогства Варшавскаго, мы нашли здѣсь другую мѣстность, другихъ людей, другія условія быта: если встрѣчали гдѣ радушный пріемъ, то онъ былъ какъ бы контрабандой; всѣ опасались, что Наполеонъ опять воротится въ Польшу и москалей выгонитъ. Не такъ рѣшила

однако судьба. Быстро двинули насъ въ Селезію, чрезъ часъ прусскихъ владѣній. Въ Богеміи мы простояли съ недѣлю на бивакахъ, упражняя во все время ратниковъ ученіемъ стрѣльбою въ цѣль; къ сожалѣнію, ружья тульской работы, бракованныя, были совершенно неудовлетворительны: замки къ ложамъ, вмѣсто привинтки шурупомъ, заколачивались деревянными шпильками и привязывались веревочками. Во 2-мъ полку случилась такая исторія: дежурный по полку, прапорщикъ Владыкинъ, шепелявый на языкъ, съ присвистомъ, пришелъ съ рапортомъ къ полковнику Дмитріеву, который былъ въ походѣ съ женой; кромѣ нея, были тутъ и гости. Владыкинъ отрапортовалъ, что по полку все обстоитъ благополучно, только такой-то роты ратникъ, стрѣляя въ цѣль, подстрѣлилъ Гермалика (то есть, какъ думалъ Владыкинъ, Германъ—человѣкъ, а Гермаликъ—человѣчекъ, мальчикъ); этимъ развеселилъ онъ всю компанію, а Дмитріевъ заплатилъ отцу нѣмчика за лекарства.

Въ одну ночь моего дежурства по полку произошла тревога во всемъ лагерѣ. Тревога эта такъ была сильна, что М., второпяхъ надѣвъ брюки безъ жилета и мундира, сѣлъ на лошадь,—послѣ уже ординарецъ подалъ ему шинель. Насъ взбарабошили башкиры, которые содержали конную цѣпь передъ лагеремъ. А дѣло было вотъ въ чемъ: ночью австрійскій, намъ уже союзный конный полкъ, перемѣнялъ позицію; какъ скоро показалась голова полка, башкирскій часовой хватилъ изъ винтовки, а за нимъ другой, и пошла потѣха; кричатъ: непріятель, непріятель; а никому въ голову не придетъ, что непріятель цѣлымъ полкомъ съ неба еще ни разу не падалъ, а сосредоточилъ свои силы подъ Дрезденомъ; тамъ его снова наши разбили, и въ это самое время, какъ говорили, былъ убитъ въ

нашей главной арміи генералъ Моро, а Наполеонъ удралъ какую-то хитрую штуку, такъ что Дрезденъ опять былъ оставленъ нашими войсками, преслѣдовавшими главную французскую армію къ Лейпцигу. Наполеонъ посадилъ въ Дрезденѣ маршала Сенсира съ тридцати-тысячнымъ гарнизономъ: на него то нашъ корпусъ и назначили въ блокаду, расположивъ наши войска бивуаками, вокругъ крѣпости. Тутъ въ первый разъ довелось намъ попробовать недостатокъ продовольствія — все и вездѣ главными арміями — непріятельской и нашей было опустошено и забрано; фуражировки были безплодныя, маркитанты рѣдки и бѣдны, хлѣбъ въ фунтъ вѣсу платился по талеру. Къ счастію нашему, какъ-то спаслись отъ всеобщаго истребленія десятинъ десять капусты и картофелю: здѣсь замѣтили зайцевъ, ловля которыхъ была для насъ потѣхою: человѣкъ тридцать ратниковъ, окруживъ это мѣсто, сходились къ центру и такимъ образомъ ловили зайца три, четыре, между тѣмъ французы съ цѣпи пускали въ ловцовъ пули; поэтому нашу охоту запретили. Въ одинъ день, передъ сумерками, выпросился я на фуражировку, на мызу, между нашей цѣпи форпостовъ и французской. Въ крестьянской избѣ я нашелъ мѣшокъ муки, кадочку побольше ведра шинкованой квашеной капусты и кувшинъ постнаго масла; забравъ эту провизію, я отправился назадъ и отошелъ шаговъ съ пятьдесятъ, какъ вдругъ услыхалъ блеяніе козла или барана; хотѣлъ опять воротиться, но отложилъ эту добычу до завтра. Когда пришелъ я въ лагерь, то капусту раздѣлили между офицерами полка, а изъ муки въ постномъ маслѣ начали жарить лепешки, и это казалось вкуснымъ: офицеры ѣли горячія лепешки и прихваливали. На другой день отправились мы на ту же мызу, на поискъ

барана, долго шарили и шныряли по угламъ скотнаго двора, наконецъ въ стойлѣ конюшни находимъ привязанную лошадь и козленка; такъ какъ кормить лошадь было нечѣмъ, то воспользовались только козленкомъ; но когда мы возвратились въ лагерь, то по нашему разсказу о лошади, вызвался поручикъ Ивановъ, бывшій изъ даточныхъ солдатъ и выслужившійся на Кавказѣ еще при генералѣ Цыціановѣ, отправился добывать ее и благополучно пріобрѣлъ (это была темногнѣдая кобылка, трехъ лѣтъ) и воротился, повторяя по-нѣмецки и грузински: „ихъ данке—батона“. На слѣдующее утро зарѣзаннаго козленка раздѣлили въ ротѣ, а часть отослали къ полковнику. Изъ моей доли Родіонъ Михайловичъ вздумалъ было сварить щи, но эти щи, незаквашенные, безъ соли и безъ хлѣба, причинили мнѣ страшные колики. Родіонъ Михайловичъ велѣлъ мнѣ лечь на спину и началъ мять мнѣ полегоньку животъ, словомъ, поступилъ со мною такъ, какъ часто обращаются съ лошадью, которая валяется одержимая чемеромъ: къ счастію, операція эта удовлетворила моего почтеннаго лекаря, я освободился отъ коликъ, въ особенности когда напился чаю съ ромомъ; чай этотъ только что былъ полученъ мною изъ Россіи, чрезъ нашего генерала Алексѣева, которому вручила его матушка вмѣстѣ съ деньгами: изъ четырехъ фунтовъ два остались за нами, а два пошли въ подарокъ и раздѣлъ между офицерами, какъ драгоцѣнная рѣдкость за-границей.

1-го октября, послѣ наступательныхъ дѣйствій противъ непріятеля, былъ обложенъ нашимъ корпусомъ (графа Толстаго) Дрезденъ; 2 и 3 числъ были поиски фуражировокъ, о которыхъ я упомянулъ выше. 4-го октября въ ночь на 5-е я наряженъ былъ

въ караулъ на форпостъ, въ королевскій садъ, гдѣ былъ большой каменный домъ, окруженный съ трехъ сторонъ фруктовыми деревьями, между коими были изрѣдка огромныя липы; онъ обнесенъ каменной стѣной, которая со стороны крѣпости имѣла нѣсколько проломовъ отъ пушечныхъ ядеръ; ихъ-то мнѣ приказано было оберегать ночью. Смѣнившись съ ротою Нейшлотскаго полка, я разставилъ часовыхъ; ночь прошла благополучно; но 5-го октября, чуть стало свѣтать, мы замѣтили въ воротахъ города, въ разстояніи отъ нашей цѣпи саженъ на 250, какое-то движеніе; минутъ черезъ двадцать послышался пушечный выстрѣлъ съ непріятельской батареи, потомъ другой и третій; стали всматриваться—непріятельская конница скакала уже на нашу пѣшую артиллерію, въ центрѣ нашего лагеря; я стоялъ противу пролома въ стѣнѣ, противъ меня выдвинулась колонна пѣхоты съ стрѣлками впереди; вдругъ колонна эта раздвоилась, раздались выстрѣлы изъ двухъ орудій, и ядра, пролетѣвъ надъ нашими головами, попали въ липы, коихъ сучья съ шумомъ посыпались на насъ,—французы лѣзли уже въ проломы; но нашъ крикъ „ура“ и выставленныя пики съ штыками остановили наступающихъ. Такъ какъ положеніе мѣстности было покато къ городу, а за нашимъ лагеремъ возвышена версты на двѣ, то дѣйствіе войскъ было намъ ясно видно, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ; весь нашъ лѣвой флангъ круто завернулся назадъ, центръ тоже далеко былъ сбитъ съ мѣста, и тамъ, гдѣ бивакировалъ нашъ полкъ, неслись непріятельскіе кирасиры. Видя все это, я не получалъ однако жъ ни отъ кого никакого приказанія, наконецъ, явился нашъ баталіонный командиръ, маіоръ Андреяновъ; я спрашиваю у него приказанія, онъ вмѣсто отвѣта гово-

ритъ: „Шувалова взяли въ плѣнъ“ (офицеръ 1-го полка, саранскій помѣщикъ); въ эту минуту изъ непріятельскихъ орудій пустили въ проломъ уже картечью; всѣ, однако, мы остались цѣлы, кромѣ одного барабаньщика. Послѣ сего безполезно было держаться въ саду—мы стали отступать, и конечно, въ безпорядкѣ; къ тому же, при переходѣ чрезъ какой-то оврагъ, завязло орудіе нашей конной артиллеріи, и мы должны были его вытаскивать. Тутъ встрѣтилъ меня нашъ дежурный маіоръ Новиковъ, приказалъ мнѣ остановиться и собирать солдатъ какихъ бы полковъ ни было; но можно вообразить въ какой мѣрѣ могло быть исполнено это приказаніе, когда никто своихъ не видѣлъ; наконецъ, выстрѣлы почти совсѣмъ прекратились, и мы потащились сами не зная куда, однако жъ попали въ городъ Аussигъ. Это было уже ночью; тутъ произошла суматоха своего рода: одни кричали: „третій полкъ сюда, тамъ нейшлотцы; сюда 43-й егерской“ и такъ далѣе, всякій выкликалъ своихъ, время же было холодное, осеннее съ дождемъ, грязь размятая, чуть не по колѣно. Проведя ночь безъ пищи, безъ квартиръ и сна, мы съ радостію привѣтствовали наступившее утро и получили дизлокацію куда кому идти. Между тѣмъ непріятель, осмотрѣвъ занятыя имъ селенія, нашелъ здѣсь конечно, мало поживы. Черезъ нѣсколько дней—не помню черезъ сколько именно, насъ повели опять противъ Дрездена и такъ или иначе, но, послѣ перестрѣлки 17 октября, непріятель втѣсненъ былъ опять въ городъ и недѣли черезъ двѣ или три гарнизонъ, въ количествѣ, какъ говорили старшіе, тридцати тысячъ, сдался. При этомъ войска наши были выстроены передъ городскими воротами въ шпалеры, а позади насъ стояли резервы въ колонахъ. Отворились городскія вороты, изъ

нихъ непріятельскія войска должны были выходить. Передъ этимъ они останавливались рядами противъ насъ и складывали ружья въ козлы. Нѣкоторымъ французскимъ солдатамъ явно было досадно; вмѣсто того, чтобы поставить ружья, они били прикладами въ землю, какъ дубиной, и этимъ много поломали ружей, пока не остановили ихъ офицеры; сдача продолжалась часовъ восемь. Когда безоружные отошли на нѣкоторое отдаленіе, однако жъ подъ конвоемъ нашихъ войскъ, въ городъ ввели наши полки и регулярными войсками заняли караулъ. По размѣщеніи на квартирахъ, мы кинулись по ресторацiямъ, въ намѣреніи утолить голодъ; но не тутъ то было: все было опустошено и мы убѣдились, что голодъ заставилъ маршала Сенсира сдать гарнизонъ и городъ, въ которомъ начинали уже свирѣпствовать и болѣзни. Большая была наша радость, когда объявили полкамъ выдти въ окрестныя селенія.

Въ Дрезденѣ наше ополченіе сложило пики и негодныя тульскія ружья, а вмѣсто ихъ приняло ружья французскія, съ орѣховыми ложами и мѣдными полками, тѣ самыя, которыя непріятель сложилъ при оставленіи города; тутъ же взята реквизиція сукномъ темнозеленымъ, изъ котораго пошили на ратниковъ вмѣсто казакиновъ, мундиры съ красными воротниками, по формѣ общей армейской. Эта обмундировка дала видъ нашему полку уже регулярной пѣхоты, тѣмъ болѣе, что и по ученію и по выправкѣ людей мы были уже, по времени, старѣе нѣкоторыхъ армейскихъ полковъ, комплектовавшихся послѣ нашей формировки.

Около двухъ недѣль простоявъ на квартирахъ подъ Дрезденомъ, мы выступили въ походъ подъ Магдебургъ, гарнизонъ котораго тоже нуждался въ продовольствіи и почти каждый день дѣлалъ вылазки по

селеніямъ, еще не такъ опустошеннымъ. Здѣсь съ 24 декабря я опять былъ въ аванпостномъ дѣлѣ: сначала непріятель оттѣснилъ насъ, но вскорѣ пришедшее подкрѣпленіе заставило его воротиться въ крѣпость.

Изъ подъ Магдебурга выступили мы въ походъ подъ Гамбургъ. Зная, что ни за дрезденскія, ни за магдебургскія дѣла наши полки не были представлены къ наградамъ, мнѣ очень хотѣлось заслужить что-либо, поэтому я чрезвычайно радовался, когда наряжали меня на форпосты передъ гамбургской крѣпостью со стороны Отендорфа, гдѣ я и отстоялъ мой срокъ въ караулѣ; къ сожалѣнію, ничего съ непріятелемъ не было; пришелъ на смѣну меня отъ нашего полка мой братъ, я упросилъ его воротиться, а съ его людьми остался въ караулѣ; но и этотъ срокъ прошелъ даромъ; поэтому, когда опять пришелъ офицеръ нашего баталіона на смѣну меня, то я и его упросилъ воротиться и остался вмѣсто него. Это замѣтилъ подполковникъ Лутковскій, который командовалъ нашими форпостами и полагалъ, что меня за какую нибудь вину не смѣняютъ; но я ему объяснилъ причину, что онъ весьма одобрилъ. Наконецъ, на другой день, 28 января, открылась перестрѣлка: я бѣгалъ по цѣпи какъ неистовый; мнѣ хотѣлось ближе подвинуться къ непріятельскимъ стрѣлкамъ, чтобы кинуться на штыки, и конечно, въ одномъ азартѣ, не имѣя ничего вѣрнаго на выигрышъ; однако жъ въ эту экспедицію было взято непріятельское орудіе егерями 43 полка и, какъ говорили, до двухъ сотъ плѣнныхъ. Подполковникъ Лутковскій, по прекращеніи перестрѣлки, представлялъ меня генералъ-маіору Булатову, а командиръ коннаго казачьяго полка ополченія нашего, князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ, рекомендовалъ меня генералъ-лейтенанту Чаплицу, почему за экспедицію 28 числа

ОБЛАСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

я былъ награжденъ орденомъ святой Анны 3 класса. 5 февраля ночью насъ свели въ экспедицію между Гамбургомъ и Гарбургомъ —по льду на Эльбѣ, для того, какъ говорили, чтобъ захватить непріятельскіе караулы и пушки, расположенные на гамбургскомъ мосту; но на Эльбѣ ледъ былъ еще такъ тонокъ, что къ намъ, передовымъ войскамъ, выступила вода; поэтому нашъ отрядъ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, воротился, не выполнивъ своего назначенія; вслѣдъ за симъ нашъ полкъ перевели на другую сторону Эльбы подъ Гамбургъ. Здѣсь мы простояли до окончанія компаніи, когда получено было объ этомъ извѣстіе графомъ Бенингсеномъ, главнокомандующимъ польскою нашей арміей, у коего находился нашъ корпусъ графа Толстаго подъ Гамбургомъ. Графъ Бенингсенъ приказалъ выставить на форпостѣ, на бѣломъ флагѣ, вензель французскаго короля Людовика восемнадцатаго, а въ отвѣтъ на это маршалъ Даву, командовавшій гарнизономъ въ Гамбургѣ, будто бы приказалъ противъ флага выставить нарисованную на полотнѣ висѣлицу; всей этой продѣлки я самъ не видалъ, но слышалъ такой разсказъ въ кругу нѣсколькихъ офицеровъ.

Такъ прекратились военныя дѣйствія, а съ ними уменьшилась и наша служебная забота, водворилась надежда скораго возвращенія въ Россію. Французскій гарнизонъ, получа официальный приказъ изъ Парижа, вышелъ изъ Гамбурга восвояси, а наши войска частію заняли городъ, а остальныя расположили въ окрестностяхъ Гамбурга на просторныя квартиры, и какъ службы уже почти не было, въ особенности намъ ополченцамъ, кромѣ карауловъ, то я изъ деревни выпросился у полковаго командира и поѣхалъ въ Гамбургъ пожить. Мнѣ, однако, здѣсь не понравилось, да

и запрещено было частно жить офицерамъ, дабы не обременять города квартирами. Поэтому я переѣхалъ въ Альтону, гдѣ и нанялъ квартиру (въ улицѣ Клейнъ-бергъ-штрассе) у сахаровара, который отвелъ мнѣ хорошую комнату и обходился со мною, какъ съ дорогимъ гостемъ, въ особенности молодая его жена, красавица блондинка. Въ этомъ семействѣ я съ удовольствіемъ проводилъ время; хозяева часто смѣялись моему неправильному выговору нѣмецкихъ словъ, ибо дома я не учился этому языку, но въ Германіи долженъ былъ имъ заняться и достигъ того, что хотя неправильно, но могъ на немъ свободно объясняться и меня хорошо понимали.

Изъ Альтоны мнѣ нужно было съѣздить къ князю Василью Сергѣевичу Голицыну, на ту сторону Эльбы, въ мѣстечко Букстеуде. Я поѣхалъ чрезъ Гамбургъ, мостомъ, и оттуда нанялъ Форшпанъ. Не найдя Голицына въ Букстеуде, возвращался назадъ, но онъ самъ меня встрѣтилъ на берегу Эльбы въ гостинницѣ. Время было ненастное и дулъ сильный холодный вѣтеръ. За стаканомъ пуншу мы переговорили, что нужно. Голицынъ поѣхалъ къ родственнику своему генералу Шепелеву, а мнѣ хозяинъ посовѣтовалъ вмѣсто Форшпана, нанять лодку, и вмѣсто того, чтобъ колесить дальній объѣздъ, переправиться черезъ Эльбу и выдти въ Отензенъ, близь Альтоны. Я зналъ Отензенъ, гдѣ мы, русскіе, собирались почти ежедневно въ трактирѣ у Рамвиля. Поэтому совѣтъ хозяина былъ охотно мною принятъ, но на берегу нѣмецъ лодочникъ, къ которому я обратился, убѣждалъ меня погодить немного, указывая на птицъ, летавшихъ надъ водой, догадываясь, что настанетъ буря. Бывъ немного послѣ пунша навеселѣ, я настоятельно сталъ требовать перевоза; старикъ спросилъ

меня, умѣю ли я плавать, и когда я отвѣтилъ „нѣтъ“, сказалъ „нихтъ гутъ“, положилъ весло въ привязанную лодку, а самъ отправился; я думалъ, что онъ скроется отъ меня, но вмѣсто того онъ привелъ молодого, дюжаго парня и велѣлъ меня перевозить; такъ мы отчаляли отъ берега, но не проплыли и третьей части рѣки, какъ усилившійся вѣтеръ взволновалъ рѣку, по которой плаваютъ большія корабли, такъ что бѣдную нашу лодку начало кидать, какъ орѣховую скорлупу. Лодочникъ тотчасъ прибралъ парусъ, и сѣлъ позади меня такъ плотно, что ногами своими обвялъ мои ноги. Я спрашиваю его: зачѣмъ? Неравно, отвѣчалъ онъ, потрусите и закачаете лодку. Дѣйствительно, заплывши за середину рѣки, я струхнулъ такъ, что и хмѣль пропалъ и сидѣлъ у лодочника какъ въ тискахъ, ни живъ, ни мертвъ. Страхъ былъ однако напрасный: мы благополучно добрались до берега, у самаго Отензена. На квартирѣ я нашелъ записку отъ полковаго командира, что онъ будетъ ко мнѣ на двое сутокъ. Въ назначенное время онъ дѣйствительно пріѣхалъ и привезъ съ собой полковаго адъютанта Федорова. Пріѣздъ ихъ случился въ счастливое для меня время по игрѣ: я былъ въ выигрышѣ въ фортунку червонцевъ до трехъ сотъ; проигравшись послѣ того, я все еще удержалъ съ сотню, на которую мы втроемъ и четвертый Марковъ прожили весело два дня. Разставшись съ друзьями, я недѣли двѣ пробылъ еще въ Альтонѣ, посѣщая и Гамбургъ и Отензенъ: въ послѣднемъ была игра въ банкъ и фортунку — метали нѣмцы, нѣмцы же держали и фортунку, по червонцу и по два; я почти всякой день проигрывалъ, но какъ-то разомъ выигралъ до трехъ сотъ червонцевъ. Въ этотъ день мнѣ казалось не было человѣка богаче меня въ мірѣ; сейчасъ

же явились и просители-пріятели; давъ двумъ изъ нихъ въ займы тридцать пять червонцевъ, я до сихъ поръ не получалъ ихъ въ уплату.

Наконецъ, полученъ приказъ по полкамъ выступить въ походъ въ Россію. Обжившись на чужбинѣ и сойдясь съ людьми, прежде вовсе незнакомыми, но пріятными, и зная, что уже болѣе не придется видѣть ни Эльбы, съ ея кораблями, ни Гамбурга, съ его народною кипучею дѣятельностью и торговлею, ни Отензена, гдѣ я выигрывалъ золото, хотя вслѣдъ за тѣмъ оно и спускалось, ни Энглишъ-гартена,—я не могъ не пожалѣть всего этого, но все-таки привязанность къ родинѣ сильно влекла меня домой. Въ Россію мы тронулись уже дисциплированные, стройно дѣлая переходы не очень большіе. Надежда увидѣть милыхъ сердцу, по двухъ-лѣтнемъ отсутствіи, одушевляла насъ, а великолѣпная природа, съ которою мы разставались, прекрасно обработанныя поля, мимо которыхъ мы проходили, привѣтливые хозяева квартиръ, благословлявшіе нашъ путь—все это располагало насъ къ самымъ пріятнымъ ощущеніямъ. Вспоминая объ этомъ походѣ, я какъ теперь вижу небольшіе лоскуты земли, по возможности правильной формы, обсаженные кустарникомъ, непроходимымъ ни для куръ, ни для поросятъ; лоскуты эти были засѣяны и запаханы тщательно; веселыя нѣмочки убирали съ нихъ серпами хлѣбъ, а тамъ, гдѣ уже снопы были свезены, загоняли для пастбища коровъ, которыя и ночевали здѣсь, и тутъ же доили ихъ дѣвушки и женщины, такъ какъ всѣ эти поля находились лишь въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ домовъ, гдѣ жили земледѣльцы. Отправляясь иногда съ квартиръ пошутить съ нѣмочками, посмотрѣть какъ онѣ доятъ коровъ и т. п., я сдѣлалъ замѣчаніе на счетъ убор-

ки у нихъ молока, которая мнѣ очень понравилась: онѣ сливаютъ его изъ дойницъ не въ горшки, какъ у насъ, а въ деревянныя шаечки, величиною поларшина въ діаметрѣ и вершка въ четыре вышины; къ верху противъ дна, онѣ немного сужены, такъ-что удобно ставить одну на другую штукъ по десяти колоной; ихъ помѣщаютъ въ особой комнатѣ въ чистомъ воздухѣ или въ сѣняхъ въ большомъ шкапѣ. Отъ широкаго разлива молока въ шаечкахъ скорѣе и лучше отстаиваются сливки. Я замѣтилъ также машинки для сбиванія чухонскаго масла, соломорѣзки для корма скотины, колеса съ ножами для рѣзки капусты, картофеля и рѣпы, чтобъ тоже кормить скотину; этимъ тремъ машинкамъ я сдѣлалъ рисунки, по которымъ впослѣдствіи ввелъ ихъ у себя въ хозяйствѣ. Одного не удалось мнѣ ввести у себя въ употребленіе—это пастьбу свиней. Въ Германіи имъ надѣваютъ на голову намордники съ шпильками или гвоздями, такъ-что гвозди или шпильки направлены животному въ ноздри, что препятствуетъ ему рыть и портить луга; также чтобы перегнать даже небольшое стадо свиней изъ одной мѣстности въ другую, напримѣръ, свиней двадцать, у насъ посылаютъ двухъ человѣкъ, да еще иногда про запасъ съ лошадью, между тѣмъ, какъ въ Германіи изъ двадцати свиней къ каждой за заднюю ногу привязана веревочка; концы этихъ веревокъ соединены вмѣстѣ и связаны въ видѣ палки, которую одинъ мальчикъ держитъ въ лѣвой рукѣ и такимъ образомъ направляетъ ихъ, имѣя въ правой рукѣ кнутъ, куда желаетъ. Изъ прочихъ предметовъ мнѣ понравилась отдѣлка рабочихъ орудій и инструментовъ: плуга, бороны и проч., вслѣдствіе чего они въ работѣ идутъ вѣрно, да и легко ихъ двигать лошадямъ, которыя, впрочемъ, вообще

рослы, такъ что почти каждая годится въ каретную упряжку. Огороды и сады превосходно распредѣлены и воздѣланы: каждое деревцо, обрытое и ухоленное хозяиномъ, ростетъ весело; его не безпокоитъ, конечно, сосѣдская корова или жеребенокъ, а плоды не поворуютъ деревенскіе мальчики и жители: Боже сохрани отъ такого преступленія. Мнѣ случилось квартировать на концѣ деревни противу кирхи; около нея кругомъ была небольшая площадь, обсаженная вмѣсто загородки колючимъ кустарникомъ крыжовника, а за кирхой жилъ пасторъ; на этой площадкѣ были посажены смородина, малина и черешня: изъ деревни мальчики и дѣвочки ежедневно ходили къ пастору въ школу учиться и, несмотря на то, что на кустахъ и деревьяхъ красовались спѣлые плоды, дѣти никогда не соблазнялись сорвать ни ягодки—такъ наблюдается здѣсь и вводится въ привычку терпѣніе, благонравіе и уваженіе къ чужой собственности. Къ сожалѣнію, нельзя было сказать того же о нашихъ русскихъ, уже видѣвшихъ и знавшихъ эти условія. Такъ, случилось намъ проходить однимъ селеніемъ, гдѣ на улицѣ передъ каждымъ домомъ были посажены черешневыя деревья, что составляло прелестную аллею и притомъ съ спѣлыми розовыми плодами; наши солдаты накинулись, какъ дикіе, на ягоды и стали даже обламывать самыя вѣтви; конечно, ихъ остановили; но между тѣмъ, порча произведена была значительная и, вѣроятно, хозяева намъ спасибо за это не сказали.

Продолжая походъ, пришли мы подъ Берлинъ, но какъ на него нашъ маршрутъ не указывалъ, то мы должны были обходить его; поэтому я съ братомъ выпросился у полковаго командира посмотрѣть городъ. Въ полтора сутокъ, которыя мы пробыли

здѣсь, при отсутствіи наблюдательности, мы, конечно, не могли здѣсь многимъ воспользоваться, да и все, что мы тогда здѣсь видѣли, какъ сонъ теперь изчезло изъ памяти. Изъ подъ Берлина направились мы къ Варшавѣ. Несмотря на запрещеніе отлучаться изъ полковъ въ городъ, я съ братомъ опять выпросился; мы переодѣлись въ партикулярное платье: я надѣлъ на себя венгерскую куртку, обложенную черной мерлушкой, и какъ время было жаркое, то она меня крайне утомила. На разводѣ литовскаго полка я въ первый разъ видѣлъ его высочество Константина Павловича; но тутъ узналъ меня генералъ-маіоръ Друцкой, при которомъ я былъ у генерала Чаплица съ письмомъ отъ князя Голицына; проходя мимо меня, онъ сказалъ мнѣ въ полголоса: „удалитесь, запрещено пріѣзжать въ Варшаву“. Взявъ за руку брата и, не говоря ни слова, я поспѣшилъ на квартиру, и переночевавъ, мы отправились въ полкъ. Варшава большой городъ, но не понравилась мнѣ.

Вообще въ герцогствѣ Варшавскомъ жители всѣхъ классовъ встрѣчали насъ не такъ, какъ на походѣ въ Германію; тогда глядѣли косо, бывало ничего не допросишься, ничего не купишъ, всѣ отвѣты были не хотя, не только не радушны, но видимо непріязненны; теперь на возвратномъ пути, явно все измѣнилось, или, по крайней мѣрѣ, наружность была привѣтлива, предупредительна, чему мы, конечно, не могли вполнѣ вѣрить и невольно иногда смѣялись вѣжливости, доходившей даже до излишества; замѣтно было, что поляки учуяли перемѣну въ политикѣ и разочаровались въ обѣщаніяхъ Наполеона. Вступивъ въ Бѣлостокъ, мы уже были въ границахъ Россіи. Изъ Могилева на Днѣпрѣ корпусъ ополченія раздѣлился по маршрутамъ прямѣйшими направленіями

полковъ, каждаго къ своей губерніи. Въ это время полученъ былъ высочайшій приказъ, что офицеры, находившіеся въ ополченіи и желающіе продолжать военную службу, могутъ вступить въ армейскіе полки тѣми же чинами, въ коихъ состояли по ополченію, на что назначался полугодичный срокъ; остающіеся же внѣ службы офицеры удерживали за собою право носить тѣ мундиры, которые были имъ впослѣдствіи присвоены. Такъ какъ въ нашемъ полку былъ апробованъ начальствомъ ополченскій казакинъ чернаго сукна, впослѣдствіи же подъ Дрезденомъ намъ присвоена форма общаго армейскаго мундира (въ немъ мы закончили и компанію), то было неизвѣстно, на какую изъ двухъ этихъ формъ мы имѣемъ положительное право, и этотъ вопросъ остался до селѣ неразрѣшеннымъ,—никто объ этомъ серьезно не заботился и оффиціально не спрашивалъ. Къ концу зимы мы добрались и до великороссійскихъ избъ, со всѣми ихъ національными принадлежностями. Я испыталъ на себѣ вполнѣ слова поэта, что и дымъ отечественный сладокъ. Дѣйствительно, русская печь, щи, квасъ—все это было близко къ сердцу, какъ родное, и пріятно, особенно обрадовались мы блинамъ въ Моршанскѣ, которыхъ не видавъ такъ долго, я едва не объѣлся. Изъ Моршанска я выпросился у полковника ѣхать впередъ въ Пензу; сборы, разумѣется, были самые проворные, но на бѣду случилась задержка другого рода. Офицеръ ополченія коннаго полка Еврейновъ напросился ко мнѣ, чтобъ я его взялъ съ собою; я далъ ему слово, но онъ цѣлыя сутки продержалъ меня,—у него не было на дорогу денегъ, онъ искалъ занять, но не нашелъ, и сказалъ мнѣ это уже тогда, какъ отъѣхали половину станціи: нечего было дѣлать, пришлось его и везти и кормить въ дорогѣ

на свой счетъ; но путь былъ уже не далекъ и Богъ помогъ совершить его благополучно, несмотря на то, что было уже послѣднее зимнее время. Подъѣзжая къ Пензѣ, первое, что я увидѣлъ, была соборная колокольня; я перекрестился и сердце забилось отъ восхищенія, мечта о домашнемъ счастіи сладко на меня повѣяла и манила меня скорѣй, скорѣй домой, въ объятія матушки и сестры; нетерпѣливо требовалъ я отъ ямщика, чтобы онъ погонялъ усталыхъ уже лошадей; наконецъ въѣхалъ на дворъ и вошелъ въ домъ, весь забрызганный грязью. Въ залѣ меня встрѣтила меньшая моя сестра (старшая жила уже въ Саратовѣ); поздоровавшись съ ней, я побѣжалъ, какъ безумный, въ комнату матушки: радость видѣть ее живой, мысль, что по прежнему буду пользоваться ея нѣжностью и ласками, наполняли меня счастіемъ; распросы съ обѣихъ сторонъ оставались почти безъ отвѣта; главное—матушка желала знать о братѣ моемъ, гдѣ онъ; а онъ выѣхалъ изъ полка ранѣе меня двумя днями, такъ какъ обоихъ насъ вмѣстѣ полковникъ не могъ отпустить, чтобъ тѣмъ не огорчить другихъ офицеровъ, которымъ отказалъ въ отпускѣ, а братъ, ѣхавъ проселочными дорогами, много потерпѣлъ остановокъ за лошадьми и пріѣхалъ уже въ Пензу на другой день послѣ меня. Долго матушка не довѣряла мнѣ о здоровьѣ брата, ея фаворита, но, наконецъ, мои увѣренія ее успокоили. Пріѣхавъ въ одинадцатомъ часу утра и едва успѣвъ умыться съ дороги, я долженъ былъ сѣсть обѣдать, и какъ вкусны показались мнѣ родительскія щи и каша! Тотчасъ послѣ обѣда начали пріѣзжать къ матушкѣ гости съ поздравленіемъ, по случаю возвращенія сына; изъ нихъ нѣкоторые прибыли въ Пензу на житье во время моего отсутствія, и потому я долженъ былъ имъ

рекомендоваться. Такъ прошелъ этотъ день. На другой мнѣ слѣдовало явиться къ пензенскимъ властямъ,— къ губернатору, бывшему моему начальнику Голицыну, отъ него къ вице-губернатору Евреинову и къ баталіонному командиру Водопьянову; вездѣ, послѣ ласковыхъ пріемовъ, происходили длинные распросы, гдѣ я былъ въ сраженіи, гдѣ ихъ знакомые, и наконецъ, о разныхъ подробностяхъ заграничныхъ, такъ что болѣе трехъ домовъ посѣтить я не успѣлъ и въ два часа воротился къ себѣ; но матушка, узнавъ, что я былъ только въ трехъ домахъ, сказала мнѣ, что я долженъ сдѣлать непремѣнно визитъ Маврѣ Петровнѣ Вигель; она была ей добрая пріятельница; почему на другой день въ 12 часовъ я отправился къ ней. Послѣ доклада обо мнѣ, минутъ черезъ пять меня пригласили въ гостиную, гдѣ меня встрѣтила брюнетка въ голубомъ шлафорѣ, съ персиковыми щечками, черными глазами, длинными рѣсницами и не совсѣмъ законченнымъ уборомъ головы, высокаго роста, довольно граціозная. Дѣвушка эта до того поразила меня, что я затрудился сказать о себѣ; къ счастію, она знала кто я и ласковымъ пріемомъ дала мнѣ возможность поправиться. Минутъ черезъ десять двѣ горничныя ввели старушку Мавру Петровну, я представился и ей; начались опять распросы; но меня почему то тянуло съ разговоромъ къ встрѣтившей меня дѣвицѣ, которая оказалась дочерью Мавры Петровны—Александра Филиповна. Обѣ онѣ, кажется, замѣтили это и улыбались моей наивности. Отъ нихъ я поѣхалъ еще съ визитами, но у кого ни былъ, вездѣ мнѣ представлялась брюнетка въ голубомъ платьѣ; я не понималъ перваго впечатлѣнія или, лучше сказать, не довѣрялъ ему; но вотъ прошла цѣлая недѣля (это была 3-я великаго поста) и мечта меня не остав-

ляла, такъ что, встрѣтившись съ дѣвицей В., я откровенно сказалъ ей объ этомъ и замѣтилъ, что моя откровенность пріятно ее удивила. Наступила пасха; во время заутрени я былъ подлѣ нея, но долго затруднялся, какъ раздѣлить съ ней обычай праздника, наконецъ, рѣшился съ ней похристосоваться; этотъ случай еще болѣе остановилъ на ней мое вниманіе. Между тѣмъ, при роспускѣ ополченія, какъ я уже сказалъ, былъ объявленъ приказъ, которымъ дозволялось вступать тѣми же чинами въ армію въ полугодичный срокъ. Въ чаду развлеченія и удовольствій прошелъ для меня незамѣтно этотъ срокъ. Матушка совѣтовала мнѣ вступить въ гражданскую службу, однако я послалъ просьбу къ военному министру о помѣщеніи меня въ павловскій гренадерскій полкъ, который въ это время былъ присоединенъ къ гвардіи. Военный министръ чрезъ пензенскаго губернатора отказалъ мнѣ, на томъ основаніи, что я пропустилъ срокъ, и что полкъ присоединенъ къ гвардіи. Я послалъ вторичную просьбу, приложилъ свидѣтельство о болѣзни, по которой не могъ выслать его ранѣе, и прибавилъ, что прошу опредѣленія на службу, какъ царской милости, такъ какъ за сраженія подъ Дрезденомъ и Магдебургомъ не получилъ никакой награды; но и на эту просьбу послѣдовалъ отказъ. Тогда я подумалъ, что видно не судьба продолжать мнѣ службу и сталъ искать другого рода жизни; брюнетка въ голубомъ платьѣ предстала предо мной съ новой силой, я познакомился съ ней ближе, но когда сталъ спрашивать мнѣнія матушки, то получилъ отъ нея отвѣтъ, что я молодъ еще жениться, что дѣвушка старѣе меня, что она подвержена болѣзненнымъ припадкамъ и т. п.; но всѣ эти резоны были слабы уничтожить во мнѣ влеченіе. Къ счастію, я обратил-

ся къ моей старшей сестрѣ: ея участіе рѣшило дѣло въ семейномъ совѣтѣ въ мою пользу. Не откладывая въ даль, я сдѣлалъ предложеніе, въ подкрѣпленіе котораго доставилъ выпрошенное мною письмо отъ матушки. Послѣ продолжительнаго раздумья, Мавра Петровна, наконецъ, согласилась. Оставалось готовиться къ свадьбѣ, но тутъ явилось важное препятствіе: у меня не доставало денегъ, которыя были необходимы для свадьбы и для обзаведенія хозяйствомъ въ семейномъ быту. Заемъ десяти тысячъ рублей ассигнаціями по 10 процентовъ удовлетворилъ вполнѣ моимъ требованіямъ. Свадьба состоялась безъ всякой роскоши, въ селѣ Лебедевкѣ, пензенскаго уѣзда, откуда мы тотчасъ поѣхали къ матушкѣ въ деревню, а отъ нея къ другимъ роднымъ, и наконецъ, по удовлетвореніи требованіямъ обычая и этикета, пріѣхали въ родовую деревню, въ которой домъ былъ выстроенъ еще батюшкой, деревянный большой, принадлежавшій мнѣ вмѣстѣ съ братомъ. Домъ этотъ мы раздѣлили пополамъ, то есть распилили его поперегъ, и доставшейся мнѣ половины оказалось для меня очень достаточно. Зиму 1816 г. я прожилъ въ Пензѣ, въ нанятой квартирѣ, очень пріятно, а весною 1817 года надо было ѣхать въ деревню и перестроивать домъ. Но едва мы отправились, какъ получаемъ отъ тещи письмо, въ которомъ она увѣдомляетъ, что ѣдетъ въ Кіевъ на богомолье и убѣдительно проситъ насъ туда же ѣхать. Жена была рада этому вызову, не думая о возможности его исполненія. Въ самомъ дѣлѣ, оставленіе хозяйства, которое заключалось въ 125 душахъ, при посѣвѣ пятидесяти десятинъ въ полѣ, по случаю недостатка земли, которой завладѣлъ у меня старшій братъ во время моего пребыванія заграницей; ничтожная выручка за продаваемый хлѣбъ,

которому цѣна была 25—30 копѣекъ за пудъ ассигнаціями; расходы, требовавшіе на перестройку дома и на поѣздку не менѣе 2000 рублей, ибо приходилось ѣхать въ четверомѣстной каретѣ (у насъ родилась уже дочь, слѣдовательно надо было взять съ собою кормилицу и горничную)—всѣ эти соображенія заставляли меня не желать поѣздки; но какъ говоритъ пословица: «сила солому ломитъ», такъ было и со мной, и мы отправились въ путь. Подъ Кіевомъ въ Браварахъ съ женою сдѣлался въ первый разъ самый болѣзненный припадокъ. Надо сказать, что она не могла ни слышать о мертвыхъ, ни видѣть кладбища и траурной одежды,—все приводило ее въ страшное волненіе. Дорога въ Браварахъ, по причинѣ глубокаго песка, пролегала объѣздомъ подлѣ церкви, по могиламъ кладбища; ямщики, разумѣется, не зная желаній проѣзжающихъ, въѣхали на примятые холмы могилъ, но жена пришла въ жалкое состояніе... Пробывъ въ Кіевѣ до начала сентября, мы возвратились въ деревню, гдѣ меня встрѣтило сердечное горе: бывшій мой дядька, сопровождающій и оберегавшій меня въ походѣ, какъ другъ и родственникъ, Родіонъ Михайловичъ, которому я поручилъ управленіе имѣніемъ и постройку дома въ наше отсутствіе, скончался отъ паралича. Кончина его сильно на меня подѣйствовала, я впалъ даже въ уныніе, сознавая себя какъ бы сиротой, безъ подпоры. Усердіе его было безгранично, равно какъ и вниманіе. Узнавъ характеръ жены моей, онъ наблюдалъ за ея спокойствіемъ. Такъ, напр., въ ревизскихъ сказкахъ, которыя она просматривала, въ графахъ, гдѣ отмѣчаются убылые, онъ выдумалъ вмѣсто слова *умеръ*, которое могло на нее непріятно подѣйствовать, писать русскими словами: *капутъ*. Въ хозяйствѣ я былъ совершенно новъ

и незнающъ, но нечего было дѣлать—принялся какъ умѣлъ. Домъ кое-какъ достроили, перешли въ него жить, а между тѣмъ долгъ все увеличивался; по книгѣ онъ значился выше двадцати тысячъ ассигнаціями. Въ это самое время старшій братъ, видя мое стѣсненное финансовое положеніе, пріѣзжаетъ ко мнѣ, показываетъ пачку бѣленькихъ ассигнацій и предлагаетъ купить у меня деревню. Я, конечно, отказалъ ему и это было причиной раздраженія его противъ меня, которое продолжалось двадцать лѣтъ, до самой его смерти. Но мое состояніе вскорѣ поправилось. Матушка разочла передать намъ свое имѣніе и мнѣ пожаловала въ кузнецкомъ уѣздѣ 130 душъ, впрочемъ, малоземельныхъ, съ песчанымъ грунтомъ и при томъ большею частью подъ дровянымъ лѣсомъ; крестьяне платили по пятнадцати рублей ассигнаціями оброку съ души. Такимъ образомъ у меня составилось около 250, да за женой было 50, но земли при всѣхъ имѣніяхъ было очень мало, такъ что, несмотря на двадцать двѣ тысячи долгу, я рѣшился увеличить его чрезъ покупку земли. Для этого отправился въ Саратовъ за совѣтомъ къ благодѣтельницѣ моей сестрѣ; мнѣ нужно было купить, по крайней мѣрѣ, тысячу десятинъ; она мнѣ сказала, что есть желающій продать, пріѣхавшій изъ Харькова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Кондратьевичъ баронъ Биберштейнъ. Земля, которую онъ продавалъ, была пожалованная ему, но онъ хотѣлъ, за отдѣленіемъ изъ нея части, продать вмѣстѣ весь остальной участокъ, въ которомъ было 3800 десятинъ; это меня озадачило, и я объявилъ, что не въ силахъ по моимъ средствамъ сдѣлать такую покупку. Подумавъ, баронъ обѣщался дать мнѣ отвѣтъ завтра, и дѣйствительно, на другой день самъ пріѣхалъ ко мнѣ и объ-

явилъ, что согласенъ продать свою землю по восемнадцати рублей ассигнаціями за десятину, на слѣдующихъ условіяхъ: купить мнѣ весь участокъ, съ разсрочкой платежа на шесть лѣтъ, за указные проценты, вносить при томъ слѣдовавшую сумму, по мѣрѣ моей возможности, лишь бы въ шести-лѣтній срокъ уплатить весь капиталъ; при написаніи запродажной записи уплатить столько, сколько я могу, впередь же, до совершенія купчей и окончательной уплаты, землю оставить у него въ залогѣ. Всѣ эти условія (какъ я узналъ послѣ) онъ мнѣ предложилъ послѣ справки обо мнѣ лично, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Выслушавъ его предложенія, я опять задумался и потомъ сказалъ: „позвольте и мнѣ сообразиться и завтре я буду у васъ уже съ рѣшительнымъ отвѣтомъ“. Посовѣтовавшись съ сестрой и зятемъ и отслуживъ молебенъ великомученицѣ Варварѣ, я согласился на условія Биберштейна и съ 1200 руб. асс. рѣшился на покупку участка въ семьдесятъ тысячъ, отчего мой долгъ, съ прежними и процентами, возвысился до ста тысячъ ассигнаціями. Это обязательство, принятое мною на себя, направило меня на хозяйственную дѣятельность, даже свыше моихъ силъ, но нечего было дѣлать. Двадцать шесть лѣтъ къ ряду я почти е выходилъ изъ коляски и тарантаса, объѣзжая мои поселки и хозяйства. Признаюсь, тогдашняя система хозяйства мнѣ не нравилась; при томъ, видя людей, работавшихъ на помѣщика въ потѣ лица и за небрежность, иногда вовсе ненамѣренную, при уборкѣ хлѣба подвергавшихся наказаніямъ, я не могъ хладнокровно смотрѣть на ихъ положеніе; по возвращеніи изъ-за-границы, я уже мечталъ о томъ, какъ бы освободить крестьянъ, а землю оставить за собой; но это мое мнѣніе было признано сумасброднымъ. Послѣ

этого я публиковалъ имѣніе къ продажѣ, но и она не состоялась, и за симъ я уже рѣшился на описанную покупку земли. Въ промежутокъ времени мнѣ удалось продать 1400 десятинъ, по двадцати пяти рублей за десятину, а на остальныхъ 2400 десятинахъ я поселилъ сто душъ, переведенныхъ изъ кузнецкаго уѣзда; этимъ увеличился и составился у меня полный посѣвъ; когда же я продалъ клочекъ земли въ селеніи Темашковѣ, за полторы тысячи руб. ассиг., и получилъ наслѣдство послѣ брата, то мое положеніе облегчилось—съ помощью Божіей я удержалъ за собою все остальное имѣніе и въ годичномъ оборотѣ денегъ дефицита уже не было, несмотря на расходы по воспитанію дѣтей и жизни въ городѣ.

Возвращаюсь къ воспоминанію о жизни въ первые годы моей женитьбы. Лѣтомъ я жилъ въ деревнѣ, а зимой въ Пензѣ. Добрый городъ Пенза населенъ жителями радушными и гостепріимными. Высшее общество образованное и имѣетъ независимое состояніе. Старинныхъ дворянскихъ фамилій считалось здѣсь въ то время до семидесяти, кромѣ пріѣзжавшихъ временно изъ уѣздовъ, а по окончаніи войны съ французами, это общество увеличилось возвратившимися изъ арміи семейными офицерами отставными и отпускными—они были представителями славы и доблести русскаго оружія въ минувшую войну, да и безъ того тогдашнее общество было весело настроено: приглашенія на балы и обѣды не прекращались и хотя во всякомъ провинціальномъ городѣ бываютъ всегда нѣкоторыя несогласія между партіями, которыя были и въ Пензѣ, почему и здѣсь общество двоилось, но за всѣмъ тѣмъ залы и гостинныя всегда были полны, такъ что въ хорошемъ домѣ четыреста посѣтителей считалось дѣломъ обыкновеннымъ.

ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

Хотя цѣны на всѣ продукты были и невысоки, однако жъ денегъ въ рукахъ было много; поэтому вездѣ замѣтны были обиліе и роскошь. Въ промежутки баловъ и обѣдовъ бывали и публичные спектакли, въ которыхъ участвовали лица высшаго сословія. Кромѣ того, въ Пензѣ было три театра помѣщиковъ Горихвостова, Кожина и Гладкова—послѣдній изъ нихъ былъ худшій, потому что всѣ актеры были изъ крѣпостных людей; при театрахъ инструментальная музыка была у каждаго своя. Независимо отъ этихъ оркестровъ, у нѣкоторыхъ были небольшіе, для домашняго употребленія (ихъ можно насчитать до восьми); въ губерніи была еще духовая музыка помѣщика Кошкарева, которую по искусству игры называли знаменитою и даже европейскою—такъ была она хороша. Бывало Кошкаревъ расположится пріѣхать на зиму въ Пензу. и привезетъ съ собой и музыкантовъ человѣкъ шестьдесятъ. Въ числѣ увеселеній и забавъ видное мѣсто занимали и карты, являлись охотники-игроки съ полными карманами, но были и игроки удѣльщики: душа ихъ знаетъ на вѣрное ли они играли или нѣтъ, только денегъ много перешло въ ихъ карманы. Главнымъ страдательнымъ лицомъ былъ при этомъ Н... Продавъ имѣніе въ сердобскомъ уѣздѣ за двѣсти тысячъ ассиги., онъ пріѣхалъ въ Пензу и, за исключеніемъ двадцати пяти тысячъ, выданныхъ дочери въ приданое, остальныя всѣ спустилъ въ продолженіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, потомъ принялся за движимость—экипажи, лошади, и также проигралъ ихъ. Однажды является ко мнѣ на дворъ подвода — сани. Человѣкъ докладываетъ: «отъ Н.». Вышло вотъ что. Старушка—жена несчастнаго игрока была хорошо знакома съ моей женой; видѣвши, что мужа обираютъ безпощадно, она собрала столовое и прочее

серебро, уложила въ бѣлье и нѣкоторыя цѣнныя вещи заперла въ сундукѣ и прислала ихъ ко мнѣ подъ сохраненіе. Такъ Н. дошелъ до нищенскаго положенія. Когда игра кончилась, нечего было уже выигрывать и игроки разъѣхались, то сундукъ былъ возвращенъ хозяйкѣ и она продала изъ него большую часть, тайно хранила у себя вырученныя деньжонки и съ ними уѣхала изъ Пензы. Какъ водится, около картъ прилѣпляются и дѣла сердечныя; такъ было и здѣсь: одинъ отставной, высокаго роста, добивался отвѣта отъ замужней женщины, дѣлая видъ, что ищетъ руки ея сестры, весьма скромной дѣвушки. Какой-то зажига, маленькой ростомъ, щедушный, но отчаянный, кѣмъ-то подбитый, взялся обработать великана и обѣщался на первомъ балѣ сорвать перчатку съ руки дѣвушки въ томъ убѣжденіи, что великанъ, какъ трусъ, не вступится за дѣвушку и роль его разоблачится. Сказано и сдѣлано: великанъ озлобился, началъ хмуриться, видимо забрало его за живое, ибо перчатка была брошена къ нему, и, наконецъ, вызвалъ зажигу въ другую комнату; послѣдній догадался, что отъ него даромъ не отдѣлается, въ особенности, когда великанъ началъ къ нему приступать, что называется къ горлу, припрыгнулъ и хватилъ великана въ рожу; этотъ началъ его душить, а зажига кричитъ: «моя первая, моя первая»!

Вступленіе на престолъ императора Николая Павловича обѣщало пресѣченіе множества золъ, вкравшихся въ наше управленіе и судъ. Слѣдствія и розыски навели ужасъ на грѣшныхъ лихоимцевъ; такъ одинъ изъ нихъ, опасаясь, чтобы всѣ, въ прошлое время содѣянные имъ грѣхи не открылись разомъ, придумалъ слѣдующую штуку. Собравъ всѣ уличавшія его доказательства, какъ-то подлинные судебные

бумаги и акты, частную переписку о посулахъ и прочее, сбереженное въ продолженіи тридцати лѣтъ, онъ вложилъ ихъ въ рогожный куль, запаковалъ бумаги овечьей шерстью и ночью отправилъ въ свою деревню, верстъ за двадцать отъ города, приказавъ этотъ драгоцѣнный куль утопить и втискать въ озеро. Но надъ этимъ несчастнымъ осуществилась подьяческая поговорка: умѣй брать, да умѣй и концы хоронить! или, видно, грѣхъ его попуталъ. Слѣдователь, зорко наблюдавшій за преступникомъ, по дошедшимъ до него слухамъ, отправилъ дворянскаго засѣдателя въ погоню за бумагами; засѣдатель по горячимъ слѣдамъ расторопно все развѣдалъ, и роковой куль досталъ съ понятыми со дна озера и еще въ мокромъ видѣ представилъ къ слѣдователямъ; а они, не принимая его къ себѣ, отправили въ градскую полицію. Здѣсь, въ общемъ присутствіи градскихъ и уѣздныхъ властей, куль былъ разобранъ, бумаги обсушены и сдѣлана имъ опись; много изъ нихъ было по дѣламъ уголовнымъ; многихъ онѣ огласили не тѣми честными судьями, какъ ихъ разумѣли по службѣ; между прочимъ, найдено подлинное слѣдствіе виновнаго, въ бытность его исправникомъ, о томъ, что одна барыня засѣкла человѣка; слѣдствіе это отослали въ подлежащій земскій судъ, а тамъ оказалось другое его же слѣдствіе о томъ же человѣкѣ, что онъ по какому-то случаю бѣжалъ и хотѣлъ перелѣзть черезъ плетень, попалъ на острый колъ, пропоролъ животъ и отъ того смерть приключилась. Дѣло подсудимаго рѣшено было тѣмъ, чтобы его, какъ отрѣшеннаго отъ должности, впредь никуда не опредѣлять и къ выборамъ дворянскимъ не допускать.

Въ это время въ Саратовѣ былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Александръ

Борисовичъ Голицынъ, образованный, честный, благонамѣренный, сдѣлавшій много для саратовской губерніи освобожденіемъ ее отъ закоренѣлыхъ взяточниковъ. Между прочимъ, въ Саратовѣ источникомъ обогащенія мѣстныхъ промышленниковъ служилъ соляной промыселъ съ Елтонскихъ озеръ; какъ было не черпать соли потихоньку за двадцать пять копѣекъ ассигнаціями за пудъ, съ тѣмъ, чтобы провезти ее въ Саратовъ за такую же цѣну и продать на пріѣзжающія подводы, по рублю, тогда какъ въ магазинахъ она продается около полутора рубля за пудъ и то еще съ песочкомъ, а тутъ чистая. Этотъ промыселъ доставлялъ рубль на рубль барыша; какъ было не богатѣть жителямъ отъ такого эльдорадо или своего рода Калифорніи! Какъ же озлобились промышленники-контробандисты на А. Б. Голицына, когда онъ обратилъ на нихъ свое вниманіе. По этому случаю разсказывали, между прочимъ, будто нѣсколько барокъ, нагруженныхъ корчемной солью, изъ страха попасться въ плѣнъ, съ просверленными днами, какнули на дно Волги, и осолили живую рыбу, такъ что Сидоръ Карповичъ Сидоровъ съ товарищами кушали уже стерляжью уху не соливши. Но если Волга представляла торгующему сословію возможность такъ легко обогощаться, то и почтенные мужи, сидѣвшіе въ кабинетахъ, на мягкихъ бархатахъ, въ пуху и шелку, и разъѣзжавшіе на колесницахъ, запряженныхъ конями кровной породы, не совсѣмъ были свободны отъ нареканій. За многими изъ нихъ, равно и за женами, какъ положительно было извѣстно, не было недвижимаго имѣнія, развѣ уже подъ старость, въ даръ супругѣ, кой-кто земельку купилъ отъ тысячи до пяти тысячъ десятинъ, этакъ дескать престарѣлымъ людямъ на спокой души и тѣла, а жалованье по служ-

бѣ получали они небольшое, такъ откуда же, спрашивала молва, достается имъ то то, то другое. Такъ объ М. разсказывали слѣдующій анекдотъ. Ко дню какого-то праздника онъ купилъ дорогую блестящую карету и приказалъ, по секрету отъ жены, запречь ее и подать къ крыльцу; потомъ, когда супруга собралась идти пѣшкомъ къ обѣднѣ, сказалъ ей, что самъ ее проводитъ; но выйдя на крыльцо, она была поражена блескомъ кареты, хомутовъ и лошадей въ лаксадахъ; ливрея на лакеѣ въ конецъ озадачила барыню. Почти насильно мужъ усадилъ ее въ карету и отправилъ въ походъ шагомъ: жена ни жива, ни мертва сидѣла въ разукрашенномъ экипажѣ, а мужъ пѣшкомъ, сторонкой, слѣдовалъ за ней и любовался своей продѣлкой. По окончаніи обѣдни, онъ пригласилъ на пирогъ пріятелей, а кучеру приказалъ проѣхать по улицѣ мимо оконъ. «Ну, Фекла Филифонтьевна, какова посудинка то»? сказалъ онъ при этомъ своей супругѣ.—Хороша, батюшка, хороша, не знаю чѣмъ тебя и поблагодарить, сизинькой? «Ну чѣмъ, матушка, гитарой»,—такъ называли тогда въ Саратовѣ въ среднемъ слою нынѣшнихъ камелій.

Возвращаюсь къ взяточникамъ. Я былъ такъ счастливъ, что не имѣлъ сомнительныхъ дѣлъ и не начиналъ никогда тяжебъ, а только отбивался отъ нихъ и то отъ одного старшаго брата, а потому съ меня взятокъ не спрашивали, и я ихъ не давалъ: недобросовѣстно было бы съ моей стороны поклепать кого-либо; дѣло другое приказные: имъ всегда мы платимъ за трудъ.

Служба уѣзднымъ предводителемъ подвергла меня неудовольствію нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ: одни состояли на службѣ, другіе намѣрены были поступить въ нее, но какъ новыя условія въ отношеніи

къ служащимъ не совпадали съ старымъ порядкомъ, съ привычками, съ которыли надо было разставаться, то отсюда явилось на меня не только негодованіе, но пробудилась и месть. Такъ одинъ бывшій засѣдатель расположился на городскомъ выгонѣ въ бахчевномъ шалашѣ, вблизи дороги, съ ружьемъ, карауливть моего проѣзда; но благородный и безкорыстный, хотя иногда хмѣльный, исправникъ предупредилъ меня объ этомъ, такъ какъ передъ выходомъ въ шалашъ Ч. похвалился, что непремѣнно меня убьетъ. Я версту лишнюю взялъ въ сторону отъ дороги и миновалъ засады; видя неудачу, Ч. выстрѣлилъ на воздухъ. Но благомыслящіе дворяне остались ко мнѣ благосклонны.

По окончаніи этой службы въ 1832 и 1833 годахъ, Богъ благословилъ меня окончить одно судебное дѣло, по притязаніямъ старшаго брата, тяготившее мое родственное къ нему чувство. По другому дѣлу, относительно чрезполоснаго владѣнія въ кузнецкомъ уѣздѣ съ разными посторонними дворянами, мнѣ посчастливилось, благодаря моей настойчивости, согласить владѣльцевъ на полюбовный раздѣлъ земли къ однимъ мѣстамъ, о чемъ и была составлена полюбовная сказка, утвержденная кузнецкимъ уѣзднымъ судомъ. Окончаніе этихъ дѣлъ много меня успокоило, несмотря на принесенныя мною жертвы, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Впослѣдствіи и по сердобскому имѣнію мнѣ было удалось согласовать 28 здѣшнихъ владѣльцевъ на раздѣлъ земли къ однимъ мѣстамъ: уже была составлена и подписана полюбовная сказка; но, за отсутствіемъ моимъ, одинъ изъ владѣльцевъ вынудилъ отъ нѣкоторыхъ изъ участвующихъ измѣненіе, на которое они, по неосторожности, согласились, и это повело къ неудовольствію и тяж-

бамъ, еще доселѣ не конченнымъ, тогда какъ по моимъ предположеніямъ, устранялись всякіе къ тому поводы.

Среди хозяйственныхъ заботъ подкралось и ко мнѣ черное время: нервическая горячка съ рецидивомъ разлучила меня съ горячо любимою мною женою. Кончину ея и мое горестное положеніе я не буду описывать. Къ вамъ обращаюсь я, милые мои дѣти! вы хотя были еще малы, но горячо сочувствовали мнѣ въ безвременной потерѣ нашего общаго друга. Это обстоятельство и, впослѣдствіи, возрастъ вашъ и положеніе, въ особенности вступленіе ваше въ бракъ, указали моему чувству обезпечить васъ въ жизни семейной и вещественной; я передалъ вамъ все имѣніе, бывшее въ моихъ рукахъ, стараясь, по равномѣрной любви моей къ вамъ, уравновѣсить части, сколько мой разсудокъ представлялъ на то возможности; прошу васъ не гнѣваться на меня, если раздѣлъ имѣнія, мною сдѣланный, не вполнѣ удовлетворилъ вашимъ видамъ, чего впрочемъ я доселѣ, къ моему счастію, въ васъ не замѣчалъ; наконецъ, благодарю васъ за поддержаніе моего существованія: въ немъ я сознаю и чувствую полноту вашей дѣтской любви и дружбы ко мнѣ.

Устройствомъ дѣтей прекратилась моя дѣятельность по имѣнію. За мною осталась одна обязанность гражданина—сохранить къ обществу то отношеніе, въ которомъ я доселѣ къ нему находился, и еслибы встрѣтился случай быть ему полезнымъ, то почелъ бы себя счастливымъ послужить ему по послѣднимъ моимъ силамъ и крайнему моему разумѣнію.

Припоминая прошлое, я невольно останавливаюсь передъ тѣмъ, что успѣло совершиться въ моемъ любезномъ отечествѣ въ теченіе моей жизни. Сколь-

ко благотворныхъ, счастливыхъ перемѣнъ произвели время и усилія человѣка. Изданіе Свода Законовъ, развитіе наукъ и промышленности, вступленіе въ торговлю съ новыми странами, улучшеніе путей сообщенія, по примѣру иностранцевъ, какъ морскихъ такъ и сухопутныхъ, въ особенности проведеніе желѣзныхъ дорогъ и, наконецъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго права—сколько великихъ событій, за которыя остается только благодарить благое провидѣніе, въ ожиданіи еще будущихъ, уже начатыхъ преобразованій разныхъ отраслей государственнаго управленія.

Но крестьянскій вопросъ—вопросъ цѣлыхъ вѣковъ, и я не могу пройти его однимъ мимолетнымъ воспоминаніемъ. Какъ пріятно видѣть подобныхъ себѣ людей свободными, въ полной волѣ располагать разумно своею личностію и своей собственностью, хотя, конечно, это сбудется вполнѣ лишь со временемъ, когда крестьяне научатся уважать чужую собственность, научатся честно держать данное слово; будутъ избѣгать пьянства, въ которомъ видѣли они высшее для себя наслажденіе; вообще, когда они научатся понимать то состояніе, въ которое они поставлены. Безъ сомнѣнія, въ то время вознаградятся и жертвы, принесенныя нынѣ помѣщиками для общаго блага....

Среди размышленій о крестьянскомъ дѣлѣ, и я не могъ не подумать о выкупѣ у помѣщиковъ земли, отходящей въ пользованіе крестьянъ. Въ мою неученую, старую голову запала мысль о томъ, что выкупъ вполнѣ возможенъ и при томъ такъ, что можно обойтись безъ заграничнаго займа, и не касаясь оборотовъ и капиталовъ кредитныхъ установленій. Я принялъ въ соображеніе: 1) что крестьяне, получая отъ помѣщика по одной десятинѣ пашни въ полѣ на тяг-

ло, весьма исправно платили доселѣ оброкъ въ пользу помѣщика, никакъ не менѣе пятнадцати рублей серебромъ съ тягла; 2) крестьянъ, получающихъ увольненіе, находится около одинадцати милліоновъ душъ; полагая по двѣ десятины кругомъ надѣла на душу, потребовалось бы 22 милліона десятинъ; если каждую оцѣнить по семидесяти пяти рублей, то составится цифра въ одинъ милліардъ 650 милліоновъ; 3) крестьянъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ полагается до 20-ти милліоновъ душъ и какъ въ благоустроенномъ государствѣ не можетъ быть допущено разнообразія между населеніемъ одинаковаго промысла и занятія, относительно ихъ правъ, преимуществъ и повинностей, то слѣдовало бы какъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ зависимости помѣщиковъ, такъ и крестьянъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ привесть къ одному знаменателю, надѣливъ ихъ равнымъ количествомъ земли, и обложивъ равнымъ же сборомъ съ нихъ податей и повинностей; такимъ образомъ, составилось бы изъ означенныхъ трехъ наименованій крестьянъ отъ девяти до десяти милліоновъ тяголъ, полагая двѣ съ половиною души въ одно тягло; 4) чтобы удовлетворить помѣщиковъ за отбираемую у нихъ землю, можно бы выдавать имъ квитанціи или рентовые листы, съ правомъ по расчету на капиталъ 3-хъ процентовъ на сто (процентъ достаточный, по моему мнѣнію, ибо капиталисты, помѣщающіе свои деньги изъ прираценія въ кредитныхъ установленіяхъ, довольствовались же тремя процентами). Предоставляя, такимъ образомъ, помѣщикамъ по ихъ рентамъ полученіе процентовъ, слѣдуетъ уплатить имъ и самый капиталъ, по жеребью или тиражу, въ продолженіи срока, исчисленнаго банковыми правилами, который долженъ пога-

ситься взносомъ одного процента; слѣдовательно, нужно всего четыре процента. Расчисляя эти проценты на двѣ десятины или по оцѣнкѣ ихъ на 150 руб., всего шесть рублей, и взыскивая ихъ съ соединенныхъ десяти милліоновъ тяголъ, составится изъ нихъ шестьдесятъ милліоновъ рублей, четвертая часть коихъ, то есть 15 милліоновъ, пойдутъ ежегодно на погашеніе капитала по тиражамъ въ пользу помѣщиковъ, а 45 милліоновъ на уплату рентовыхъ процентовъ. Въ продолженіи всего срока, впредь до уплаты капитала, этотъ расчетъ можетъ обязать крестьянское тягло взносомъ отъ семи до восьми рублей (разумѣя около десяти милліоновъ тяголъ, соединенныхъ изъ всѣхъ трехъ вышеописанныхъ поименованій). Въ годъ такой уменьшенный оброкъ какъ не уплатить крестьянину, тогда какъ при томъ же надѣлѣ земли онъ платилъ помѣщику исправно ежегодно по пятнадцати рублей, а можетъ и болѣе. Раздѣлавшись, такимъ образомъ, съ крестьянами, помѣщики тотчасъ могли бы перейти къ вольнонаемному труду, и тѣ же крестьяне у прежняго или посторонняго помѣщика могли бы заработывать несравненно болѣе причитающагося съ нихъ оброка или взноса въ казну. Этимъ средствомъ прекратились бы и случаи къ столкновеніямъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ, тѣмъ болѣе, что и вся сельская полицейская расправа должна быть устроена помимо участія помѣщика.

Руководствуясь этими соображеніями о выкупѣ, я написалъ довольно подробное мнѣніе, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями относительно этого предмета, и въ 1859 году января 30 дня отправилъ его къ предсѣдателю редакціонныхъ коммиссій, покойному генералъ-адъютанту Ростовцеву и еще къ другимъ лицамъ, для сообщенія его особамъ, участвовавшимъ въ

составленіи законодательныхъ проектовъ объ устройствѣ быта крестьянъ. Не знаю, это ли мое мнѣніе обратило на себя счастливое воззрѣніе генерала Ростовцева, и повело его къ принятому имъ направленію, или же мое мнѣніе совпало съ его собственнымъ, прежде имъ обдуманнымъ; но только въ 1859 же году апрѣля 29 и мая 20 онъ внесъ въ редакціонныя коммиссіи предложеніе, планъ коего тождественъ съ моимъ, что значится въ занятіяхъ коммиссій подъ названіемъ: «Матеріалы редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу», томъ 1-й, книга 1-я, на страницахъ отъ 40 до 56 включительно и на 158. Какъ бы то ни было, почитаю себя вполнѣ счастливымъ, если и моя строка, какъ лепта, получила мѣсто при общихъ соображеніяхъ.

ВЕТЕРАНЪ 1813—1814 ГОДОВЪ.